

ЖК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 19

**Повестка дня – 2010:
демонтаж или
модернизация
социального
государства?**

Москва ■ 2005

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте» Выпуск 19
Повестка дня — 2010: демонтаж или модернизация социального государства? — М., 2005. — 64 с.
ISBN 5-8341-0072-4

Очередное заседание Никитского клуба, стенограмма которого представлена в данном выпуске, посвящено обсуждению программы реформ, выдвинутой кабинетом Г. Шрёдера в марте 2003 г. под названием «Повестка дня–2010» («Agenda–2010»).

Германская модель развития, основанная на системе социального рыночного хозяйства, была наиболее успешной в XX в. Что же послужило поводом для ее преобразования? Участники обсуждения рассуждали о причинах и обоснованности непопулярных мер, предлагаемых немецким правительством, о возможных сценариях развития реформ и их последствий для экономики Германии, а также важном значении результата реализации «Повестки» для практики российских реформ.

ББК 65.9(4Гем)

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 19
Повестка дня — 2010: демонтаж
или модернизация социального государства?

Редакторы Н.М. Румянцева, В.Ю. Григорьева
Вёрстка М.Ю. Иванюшин

Подписано в печать 27.01.2005
Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Гарамон».
Усл.-печ. л. 5,5. Заказ 01437. Тираж 1000.
Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа».
125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 13

Президент **Сергей Капица**
Никитского клуба

Вице-президент, **Наталья Румянцева**
Исполнительный
директор

телефон 705-96-73
факс 204-48-40

эл. почта: *nikitskyclub@micex.ru*

<http://www.nikitskyclub.ru>

ДЕКЛАРАЦИЯ Никитского клуба

Никитский клуб — это частная инициатива ученых и предпринимателей, обеспокоенных судьбой российского общества и государства. Это попытка объединить интеллектуальные силы России, сделать их активным ресурсом развития страны. Это стремление вовлечь в серьезный диалог по важнейшим для России проблемам ученых, политиков, деловых людей и всех представителей общест­венности, заинтересованных в радикальном снижении эконо­мических и социальных издержек, необходимых преобразований в стране.

Миссия Никитского клуба

Клуб видит свою миссию в том, чтобы консолидировать интеллек­туальные ресурсы, преодолеть их невостребованность, предъявить обществу и предложить пути их эффективного использования.

В условиях системной трансформации власть, как правило, вы­нуждена действовать не столько по глубоко продуманному плану, сколько по обстоятельствам. Вопросы стратегии и глобальное видение проблем остаются вне поля зрения. Между тем, ошибки будущего рождаются в настоящем. Стратегия — попытка предви­деть будущее, чтобы избежать ошибок в настоящем.

Гражданская инициатива Никитского клуба состоит в том, чтобы общими усилиями научных, политических и предприниматель­ских кругов помочь обществу осознать себя и сформулировать стратегию развития страны.

Цели Никитского клуба

- *консолидация* вокруг Клуба ответственных профессионалов;
- *создание* форума для обмена мнениями по важнейшим вопро­сам жизни общества;
- *содействие*:
 - формированию культуры независимых экспертных оценок и исследований;
 - формированию культуры глобального мышления;
 - формированию идеологии преемственности, социального парт­нерства, ответственности;
 - осознанию и формулированию интересов России и вытекаю-

- щей из них политики в различных сферах жизни;
- просвещению общества в сфере глобальных тенденций развития цивилизации.

Задачи Никитского клуба

- создание авторитетной независимой организации, формулирующей возможные приоритеты развития страны;
- влияние на формирование текущей политики в различных областях жизни посредством непредвзятого и независимого анализа ситуации или проблемы.

Методологические принципы

В основу работы Никитского клуба положены методологические принципы Римского клуба:

- междисциплинарный подход к современным проблемам страны и человечества;
- глобальная перспектива при исследовании проблем и ситуаций;
- сосредоточение на долгосрочных и комплексных проблемах.

Формы работы

Клуб будет использовать в своей работе все формы общения, обеспечивающие свободную, квалифицированную и авторитетную дискуссию:

- независимые исследования и доклады;
- круглые столы, конференции;
- СМИ, в том числе создание центра информации по глобальным и стратегическим проблемам в электронной сети (базы данных, исследований, научных публикаций и т.д.).

Круглый стол
«Повестка дня – 2010»: демонтаж
или модернизация социального государства?»

Москва, 21 июня 2004 г.

Участники обсуждения:

Белов Владислав Борисович,

руководитель Центра германских исследований
Института Европы РАН

Гринберг Руслан Семенович,

директор Института международных экономических
и политических исследований (ИМЭПИ) РАН

Гутник Владимир Петрович,

руководитель Центра европейских исследований
Института мировой экономики и международных отношений
(ИМЭМО) РАН

Загорский Андрей Владимирович,

заместитель главы Московского представительства Фонда Аденауэра

Зернов Владимир Алексеевич,

ректор Российского нового университета (РосНОУ),
председатель Совета ректоров негосударственных учебных
учреждений

Зубов Валерий Михайлович,

первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ
по кредитным организациям и финансовым рынкам

Ивантер Виктор Викторович,

директор Института народнохозяйственного прогнозирования
(ИНП) РАН

Капица Сергей Петрович,

президент Никитского клуба

Лубенченко Константин Дмитриевич,
вице-президент Ассоциации региональных банков России

Римашевская Наталья Михайловна,
директор Института социально-экономических проблем
народонаселения (ИСЭПН) РАН

Цедилин Леонид Иванович,
исполнительный директор — ответственный секретарь
российско-германского журнала «Политэконом»

Чумичев Алексей Борисович,
первый заместитель председателя правления Карельского форума

Круглый стол вел С.П. Капица.

С.П. Капица

Начнем наше заседание. «Повестка дня–2010» («Agenda–2010») была представлена канцлером Германии Г. Шрёдером в марте 2003 г. как комплексная программа реформ, включающая реформы рынка труда, социального страхования, налоговую и финансовую реформу, преобразование системы межбюджетных отношений, меры по дерегулированию экономики, государственное стимулирование инновационной деятельности. «Повестка» вызывает крайние оценки в германском обществе — от «предательства», по заявлению левых социал-демократов и профсоюзов, до упреков со стороны либерального крыла ХДС в «половинчатости и недостаточной радикальности».

Как всегда, реформы находят критику и справа, и слева.

Чем вызван кризис модели социального рыночного хозяйства в Германии? Объективна ли попытка её радикального реформирования,

Ж клуб

Никитский

Фото Л. Панкратовой

С.П. Капица

каковы риски и шансы на успех? На мой взгляд, здесь четко просматривается параллель с российскими проблемами, поэтому опыт комплексной программы реформ Германии весьма интересен для нашей страны.

Текущий, 2004 год объявлен годом российско-германских культурных отношений. Германия — важный партнер России в области экономики. С другой стороны, сейчас центр мирового развития перемещается на Дальний Восток. Мне кажется, что такое же внимание, как Европе, нам надо уделить Востоку, в первую очередь Китаю.

Китай, Индия тратят очень большие средства на вооружение, и Россия нашла в этих странах рынки сбыта для своего оружия. Что это будет за мир, в котором растет напряженность? Мне иногда кажется, что за терроризмом, ставшим сейчас главным врагом человечества, скрываются серьезные столкновения — гораздо более серьезные, чем столкновение цивилизаций (*clash of civilizations*), о котором говорят аналитики в своих прогнозах на будущее. Стремительная динамика развития, высокие темпы роста экономики стран Востока — предвестие какого-то серьезного кризиса. В Европе подобное происходило накануне первой мировой войны: так же высокими темпами росла экономика России и Германии, а население увеличивалось на 2% в год. Кстати, в тот же период — в конце XIX–начале XX вв. — тоже наблюдалась вспышка терроризма. Вспомните «Бесов» Ф.М. Достоевского. Конрад (Джозеф Конрад (1857–1924), английский романист — *ред.*), известный больше своими морскими рассказами, написал книги, посвященные терроризму как социальному явлению. Террористический акт — убийство эрц-герцога Фердинанда — дало толчок первой мировой войне. Были совершены убийства крупных государственных деятелей — П.А. Столыпина в России, великого князя и многих других.

Так что терроризм сейчас, принявший более сложные формы, — тоже предвестник роста напряженности в мире. Не хочу быть Кассандрой, но считаю, что, по крайней мере, обсуждать эти проблемы надо.

Мы решили начать обзор глобальных проблем с Европы и пригласили выступить на нашем заседании Владимира Петровича Гутника, руководителя Центра европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН.

В.П. Гутник

Прежде всего я хочу поблагодарить Никитский клуб и Вас, Сергей Петрович, за это приглашение.

Передо мной была поставлена задача выявить наиболее интересное, важное и актуальное в развитии крупнейшей европейской страны — Германии. Я решил, что самое актуальное, самое важное и самое дискуссионное сегодня в Германии — это программа реформ, выдвинутая кабинетом Шрёдера в марте 2003 г., получившая название «Повестка дня — 2010».

Интересно, что эта программа была предложена только в начале второго срока канцлерства Шрёдера. Целых четыре года — с 1998 по 2002 гг. — Шрёдер раздумывал, боролся с оппозицией внутри партии, может быть, немного упивался успехами 2000 г., когда неожиданно экономика существенно пошла вверх (рост на 2,9%), преодолевал синдром спада 2001 г. — и только через полгода после вторичной победы на выборах выступил с заявлением о комплексе мер по преобразованию, прежде всего, социальной системы страны.

Должен сказать, что программа действительно амбициозная. Если бы президент Германии обладал такими же полномочиями, как в России, то наверняка похвалил бы правительство за амбициозность. Вопрос, насколько это реализуемо, достаточно ли сил для воплощения в жизнь поставленных задач? Сомнения в адекватности мер также остаются. Но

то, что такие реформы необходимы и что амбициозность продемонстрирована не с целью запечатлеть себя в истории, а для того, чтобы решить серьезные проблемы, – факт очевидный.

В прошлом году на Франкфуртской книжной ярмарке, объявленном, кстати, годом России, хотя внимание всех средств массовой информации было уделено не российской литературе, а мемуарам Дитера Болена, произошло, тем не менее, одно важное и интересное событие. Премию за лучшую экономическую книгу года получила монография директора ИФО-института в Мюнхене, профессора Ханса-Вернера Зинна, которая называется «Можно ли еще спасти Германию?» (Ist Deutschland noch zu retten?). Книга с таким весьма алармистским заголовком получила массу позитивных откликов, причем ее хвалили как сторонники Шрёдеровских реформ, так и их критики. И практически все сочли, что такая постановка вопроса — можно ли еще спасти Германию? — совершенно правильная и необходимая.

От чего же необходимо её спасти? Действительно ли страна нуждается в радикальных реформах и настолько ли плохи дела, что её надо спасти? Может ли так получиться, что Германия не справится с новыми вызовами и скатится в разряд стран второго эшелона? Должен сказать, что если это произойдет с Германией, то фактически и Европейский Союз окажется во втором эшелоне мирового развития. Правильное ли направление преобразований, выбранное кабинетом Шрёдера, или это некий вариант нашей перестройки 80-х годов, когда за хорошими лозунгами нет практических шагов и реальных шансов на успех? И наконец, каковы действительно шансы на реализуемость программы «Повестка дня – 2010», учитывая сопротивление политических сил и отсутствие широкой общественной поддержки? За этими конкретными политическими вопросами скрываются фундаментальные проблемы. Означают ли нынешние реформы в Германии демонтаж системы социального рыночного хозяйства — германской модели развития, ставшей в XX в. не только одной из самых успешных, но и наиболее привлекательной, создавшей основу европейской континентальной модели, большинства стран Центральной и Восточной Европы, ставшей мечтой для российских политиков, правда, несколько в искаженном виде — «социально-ориентированной рыночной экономики»? Рассмотрим варианты дальнейшего развития событий.

Первый вариант: реформы Шрёдера не удаются или разжижаются серией компромиссов, при этом социальное рыночное хозяйство со-

храняется, но его последующее рыночное реформирование будет более болезненным и чревато весьма ощутимыми неприятностями.

Второй вариант: социальное рыночное хозяйство существенно модернизируется, но сохраняет европейскую специфику даже при включении новых механизмов.

Наконец, *третий вариант:* происходит демонтаж социального рыночного хозяйства, оно заменяется американской моделью или, как теперь иногда говорят, «универсальной моделью» социально-экономического развития, ярким воплощением которой как раз и является модель США. Позже я постараюсь сформулировать свою точку зрения по поводу всех вариантов, но пока хотел бы кратко описать причины реформ, само содержание программы и ход ее выполнения.

Прежде всего, Германия явно утрачивает конкурентные преимущества на мировом рынке и перестает адекватно отвечать на вызовы глобализации. Она уступает многим партнерам по ЕЭС, не говоря уже о США, уже не только по темпам роста, но и по уровню развития. Последние 3-4 года по производству валового национального продукта на душу населения Германию обогнали Великобритания, Франция, Австрия (чей уровень в 1970 г. составлял только 59% от уровня Германии), Нидерланды и даже Ирландия (в 2002 г.). Экономика переживает структурный кризис. В стране высокая и долговременная безработица. Возможности хозяйственного взаимодействия в рамках углубления и расширения европейской интеграции возрастают, но выяснилось, что одновременно осложняются условия для проведения национальной экономической политики, и приспособление немецких механизмов к требованиям Экономического и валютного союза (ЭВС) происходило не столь эффективно, как ожидалось. Государственная финансовая система оказалась фактором, тормозящим развитие, вместо того чтобы его стимулировать.

К изложенному добавляются демографические проблемы: старение нации, низкая рождаемость. Так, например, средний возраст жителей в Германии, по нынешним оценкам, к 2020 г. составит 46,7 лет, тогда как в США — 37 лет. Но это связано не с тем, что ожидаемая продолжительность жизни в Германии более высокая (она действительно выше в Германии, чем в США, но всего на 1,3 года), а с тем, что в стране чрезвычайно низкая рождаемость и население стареет за счет малочисленности детей, которых с каждым годом становится все меньше. По прогнозам, население Германии к 2050 г. составит примерно 77 млн. человек,

или на 5 млн. меньше, чем сегодня. Все это приводит к неизбежности реформ в Германии и вынуждает проводить их комплексно.

Главный волнующий всех вопрос — как осуществить эти реформы, не разрушая проверенную, доказавшую эффективность систему? Или все-таки её нужно разрушать? На это у экспертов нет однозначного ответа. Конечно, всем или большинству в Германии хотелось бы сохранить социальное рыночное хозяйство. Но я замечаю, что даже те, кто хотел бы его сохранить, все меньше и меньше верят в удачу. Выражением структурного кризиса в экономике стали, прежде всего, низкие темпы роста. С 1992 г. они в среднем составляют менее 2% в год. Самые высокие темпы роста были в 2000 г. — 2,9%, что очень обрадовало кабинет Шрёдера, но потом наступила стагнация. В последующие три года прирост ВВП составил соответственно, 0,8%, 0,2% и -0,1%.

Уровень безработицы с 1994 г. не опускается ниже 10% трудоспособного населения, причем это официально зарегистрированные безработные. В новых землях показатель колеблется между 18,5% и 19,5%. Скрытая безработица добавляет в целом для всей Германии еще 2–2,5 процентных пункта, а в восточных землях — около 4 пунктов. В марте 2004 г. число официально зарегистрированных безработных составляло 4,5 млн. человек.

Заметим, что даже в условиях роста 2000 года уровень безработицы в Германии был выше, чем самый негативный показатель в России в период самого глубокого кризиса в 1994-1996 гг., причем я имею в виду не мизерный показатель регистрируемой у нас безработицы, а определяемый по методике МОТ. Крупные компании, а в последнее время также мелкие и средние фирмы, регулярно выводят рабочие места за рубеж. Причем главный аргумент здесь — высокие издержки на труд, высокая стоимость рабочего места. Например, концерн «Сименс», недавно обвиненный канцлером Шрёдером в непатриотичности, в очередной раз сократил рабочие места при производстве электронных схем. За последние три года его дочерняя фирма «Сименс Ай-Си-Эн» сократила 20 тыс. рабочих мест в Германии, перенеся их в основном, как и раньше, в Китай, Корею, а теперь и в Чехию. «Роденшток» (известная оптическая фирма и крупнейший в Германии производитель очков) также сокращает рабочие места и переносит их в Чехию, Польшу, Венгрию, оправдываясь тем, что в городе Реген, где находится основное производство «Роденштока», рабочее место стоит 40 тыс. евро в год. В Чехии же оно стоит 9 тыс. евро, и качество работы при этом не хуже.

Перечисленные случаи поведения фирм не исключение, а тенденция. В 2003 г. каждое четвертое предприятие в Германии заявило, что ближайшие три года будет ускоренными темпами переносить производство за рубеж. Отток капитала из страны стал хроническим. Мы жалуемся, что у нас большое бегство капитала, но должен сказать, что в Германии, может быть, ситуация еще более печальная. За последние три года (2001—2003 гг.) чистый отток капитала составил соответственно 26, 69 и 55 млрд. евро. Единственный раз за последние десять лет, по-моему, в 2000 г. сальдо было положительным, да и то только благодаря тому, что британский «Водафон» купил германский «Манесманн», что привело к положительным результатам для сальдо движения капиталов.

В стране очень низкая инвестиционная активность. Последние три года снижение инвестиций в оборудование составляет от 3 до 8%, в строительство — еще меньше. Не менее проблематична инновационная активность. Расходы на НИОКР по отношению к ВВП не растут (ВВП, как мы видим, тоже не растет) и составляют около 2,5%. Конечно, это больше, чем у нас, но намного меньше, чем в США и Японии — основных конкурентов Германии на этом поле.

Вот на таком фоне правительство Шрёдера и было вынуждено начинать реформы. В общем, к программе реформ приступало еще правительство Коля в начале 80-х, но системные действия не предпринимались. Тогда это была точечная политика реагирования на определенные провалы. Шрёдер, придя к власти, намеревался с самого начала осуществлять комплексную реформу, но, как я уже сказал, столкнулся с массой других проблем и также поначалу ограничился только точечным воздействием на экономику, на социальную сферу, одновременно подготавливая две важнейшие, на его взгляд, реформы — налоговую и пенсионную. И только стагнация 2001—2002 г. вынудила его прибегнуть к системной реформе.

14 марта 2003 г. специальным правительственным заявлением в Бундестаге была провозглашена программа реформ, которая и получила название «Повестка дня — 2010». Первоначально эта программа включала следующие основные мероприятия. Во-первых, реформа на рынке труда. Во-вторых, реформа обязательного медицинского страхования. В-третьих, изменения в правовом регулировании ремесленного производства, реформирование коммунальных финансов и программы дешевых кредитов для местных органов власти и модернизации жилья.

Что касается реформы на рынке труда, то первоначально эта реформа предусматривала две основные меры: большую гибкость в применении защиты от необоснованного увольнения и сокращение пособий по безработице, причем как по размерам, так и по срокам. Кроме того, в случае длительной безработицы прекращалось раздельное предоставление помощи по безработице и социальной помощи — они объединялись воедино.

Реформа обязательного медицинского страхования прежде всего предусматривала сокращение каталога услуг, то есть видов услуг, предоставляемых в рамках обязательного медицинского страхования (позже я скажу, какие позиции вычеркиваются из услуг, оплачиваемых по медицинскому страхованию). Кроме того, были введены специальные доплаты за предоставление определенных медицинских услуг, за пребывание в больнице и при приобретении лекарств, чего не было раньше. Эта система введена с января 2004 г. Что, наверное, очень хорошо получилось, так это разрешение интернет-аптек, потому что по последним сведениям, этот сектор интенсивно развивается. Интернет-аптеки наращивают свой оборот бурными темпами, чуть ли не по 30% ежемесячно, и есть опасения, что стандартным традиционным аптекам скоро придется закрыться.

Наконец, правовое регулирование ремесла предусматривало либерализацию открытия и приобретения ремесленных предприятий, а также сокращение некоторых бюрократических регламентирующих мероприятий. Параллельно с этим возобновилась ступенчатая налоговая реформа. Она началась еще в 2002 г., но продвигалась очень медленно в связи с тем, что государственные финансы испытывали недостаток в ресурсах, а затраты постоянно росли. Предполагалось даже отложить на год-два проведение второго и третьего этапов этой реформы. Но финансовая ситуация также вынуждала стимулировать производство, инвестиции, предпринимательство, и график теперь в целом соблюдается.

Второй этап начался тоже с 1 января 2004 г. и был направлен, прежде всего, на снижение подоходного налога. Еще пять лет назад максимальная ставка подоходного налога в Германии составляла 53%. Большим успехом считалось ее снижение к 2002 г. до 48,5%. Это, правда, максимальная ставка для доходов порядка 200-300 тысяч евро и более в год. Эффективная ставка подоходного налога, конечно, была намного ниже, но все-таки и она превышала 35%. Сейчас предусмотрено, что в следу-

ющем году максимальная налоговая ставка сократится до 42% и, соответственно, эффективная ставка составит не более 30%.

Одновременно с налоговой реформой, направленной на снижение в первую очередь подоходного налога, а также налога на корпорации (т.е. смягчение налогообложения предприятий), началось сокращение субсидий и финансируемых из госбюджета льгот. Субсидии и льготы сокращаются очень медленно и с трудом, но процесс, тем не менее, идет по всем фронтам, начиная от снижения субсидий для угольной промышленности и кончая компенсациями затрат работникам, далеко проживающим от места работы, у которых высокие транспортные расходы.

Вообще, содержание «Повестки дня – 2010» за год с небольшим существенно изменилось, расширилось. Программа уже включает в себя почти весь комплекс необходимых преобразований. Теперь в пакет включена и налоговая реформа, и она увязывается с реформированием рынка труда. Сейчас, судя по последним опубликованным федеральным правительством вариантам, «Повестка дня – 2010» охватывает следующие сферы: реформирование отдельных секторов экономики (например, ремесленного), профессионального обучения, налогообложения, образования и научных исследований, рынка труда, здравоохранения и медицинского страхования, пенсионного обеспечения и помощи семьям. На мой взгляд, самое существенное из того, что здесь перечислено, – это реформирование рынка труда. Одновременно вводятся механизмы как для улучшения посредничества в поиске работы, сокращения времени для того, чтобы предложить новую работу, так и для ослабления защиты от увольнений. Правда, большой шум подняли профсоюзы: мол, нарушаются права трудящихся — и теперь любого человека можно произвольно уволить. Оказывается, однако, что пока это право упрощенного увольнения действует только для предприятий, на которых занято не более 10 человек, чтобы небольшие предприятия могли хотя бы «сезонных» рабочих брать на время, когда есть заказы, и увольнять их, когда таких заказов нет.

Далее, резко сокращается предоставление пособий по безработице. До реформы максимальный срок предоставления пособий по безработице составлял 36 месяцев. Сейчас — 18 месяцев для лиц пожилого возраста и 12 месяцев для основной массы безработных. В среднем размер пособий по безработице составит не более 60% от последней заработной платы (раньше он достигал 70-75%). Эта реформа направлена на то,

чтобы долго оставаться безработным было не выгодно, чтобы люди соглашались на работу, приносящую, может быть, существенно меньший заработок, чем раньше, но больший, чем пособие по безработице или социальная помощь. Правда, все еще сомнительно, что это будет стимулировать создание новых рабочих мест, потому что если продолжится процесс перемещения рабочих мест за границу и «патриотичность» немецких компаний не повысится, то, должен сказать, никакой заинтересованности в создании рабочих мест не будет, и стимулы в данном случае нужно создавать не столько для безработных, сколько для работодателей.

Действительно, социальная помощь в Западной Германии сейчас (подчеркну: не пособие по безработице, а социальная помощь, которая заметно меньше) составляет в среднем 1508 евро в месяц. А нетто-заработная плата, скажем, в Венгрии – 256 евро. Естественно, меньше, чем за 1500 евро, работников в Германии все равно не найдешь, а даже в Чехии, наиболее близкой к Германии стране, за 400-500 евро работают с удовольствием. Да что там в Чехии, в Нидерландах, в регионе Флейволанд, средняя заработная плата – 1252 евро (по сравнению с 1508 «социалки» в Германии). Хорошее, даже прекрасное социальное обеспечение, практически полная ликвидация бедности в Германии привели к тому, что эти достижения одновременно стали уничтожать рабочие места и возможности их создавать.

В сфере медицинского обеспечения также происходят кардинальные реформы. И это очень важно, потому что расходы на медицинское страхование – второй по величине вид социальных расходов. Сумма расходов по обязательному медицинскому страхованию очень высокая — на это из бюджета медицинского страхования ежегодно тратится 146 млрд. евро. А для того, чтобы даже не улучшать, а только сохранять нормальное медицинское обеспечение, приходится постоянно увеличивать взносы. Так вот, реформирование в сфере медицинского страхования приводит к тому, что страхователи вынуждены теперь отказываться от ряда услуг, предоставляемых в рамках медицинского страхования. И эти услуги будут финансироваться из других источников. Например, из услуг по медицинскому страхованию вычеркнуты пособия матерям, расходы в связи с родами, расходы в связи со смертью и некоторые другие. Они переносятся на другие бюджеты, но исключаются из медицинского страхования. Интересно, что введены дополнительные платежи за лекарства — не менее 10% стоимости. Если раньше достаточно было

заплатить 2 марки за рецепт, то теперь придется оплачивать не меньше 10% стоимости лекарства. Правда, в виде таких дополнительных платежей может быть изъято не более 2% от годового брутто-дохода семьи. Застрахованные лица, попавшие в больницу, должны дополнительно платить 10 евро за каждый день пребывания там.

Наконец, очень важна пенсионная реформа, поскольку пенсионные платежи составляют основную часть социальных взносов, выплачиваемых и работниками, и работодателями. Я напомним, что страховые взносы в Германии вносятся на паритетных началах: 50% – работники, 50% – работодатели; в некоторых случаях меньше, чем по половине, и немного доплачивает государство. Перед системой пенсионного обеспечения была поставлена задача стабилизировать хотя бы на время величину страховых взносов, которая составляет 19,5% от брутто-зарплаты, с тем чтобы не допустить ее роста к 2020 г. до уровня выше 20%, а к 2030 г. – 22%. Стоит напомнить, что помимо почти 20%-ных вычетов на пенсионное страхование, из брутто-заработной платы вычитается 14,5% на медицинское страхование, 6,5% – на страхование по безработице и еще 1,7% – на страхование по уходу. В целом получается этаким 42%-ный «единый социальный налог». И когда немецкие эксперты и предприниматели слышат, что у нас в России до 26% сокращается единый социальный налог, они страшно удивляются и недоумевают, как же мы будем финансировать пенсии, медицинское обслуживание и т.д.?

Хочу сказать, что все эти реформы взаимосвязаны таким образом, что пенсионная реформа будет проводиться в строгом соответствии с финансовой реформой, с реформой медицинского страхования и т. д. В зависимости от развития ситуации в том или ином блоке будут корректироваться и другие блоки. Иными словами, действительно сделана попытка связать все направления реформы воедино.

Теперь о последствиях реализации задач «Повестки дня – 2010». Оппозиция выступает с резкой критикой программы, но несмотря на это, в декабре 2003 г. в Бундестаге и Бундесрате первый пакет законов по реализации реформ в рамках «Повестки дня – 2010» был принят подавляющим большинством голосов. В Бундестаге, например, более 90% депутатов проголосовали за соответствующие законы. Тем не менее, нападки, особенно по телевидению, не прекращаются. Кто-то из немецких ученых недавно написал: демократия телевидения в Германии разрушает возможности реформирования, потому что на телевидении никто не выступает в поддержку этих реформы, хотя большинство эк-

спертов в душе с ними согласны. Но они для телевизионных ток-шоу неинтересны, поэтому критика реформ не уменьшается, и можно сказать, отчасти обоснованная. Если на рынке труда в ближайшее время к реформе поддержки безработных добавится реформирование системы тарифных переговоров и работники будут заключать тарифные соглашения не на уровне отраслей, а на уровне предприятий, то это ослабит гарантированные доходы работников. Степень защищенности работников, особенно гарантирование их постоянно растущей зарплаты, уменьшается — именно поэтому профсоюзы выступают с резкой критикой преобразований. Но зато возможности для гибкого маневрирования рабочими местами и в целом для увеличения числа рабочих мест расширяются.

Если изменения финансовой политики лишь косвенно затрагивают снижение социальной защиты работников, то сдвиги на рынке труда могут привести к изменениям, мало совместимым с моделью социального рыночного хозяйства. Представители левых социал-демократов, например Оскар Лафонтен, на съезде региональной организации СДПГ в Сааре, уже заявили, что избиратели партии лежат на улице голодными, бедность в Германии нарастает с каждым днем и т. д. Но правительство делает упор на то, что реформы социально справедливы, поскольку дают индивидам возможность быстрее получить работу, не оставляют будущим поколениям социальную систему, которую невозможно финансировать. Реформы позволяют не подавлять активность и эффективность граждан чрезмерными побочными издержками на труд. Собственно, можно сказать так: проигрывают наемные работники, имеющие хорошую работу; выигрывают те, кто не имеет работы. Но этот выигрыш меньшинства — тех, кто не имеет работы, — оказывает очень большое позитивное влияние на общественную и финансовую систему в целом и приводит, прежде всего, к общественному оздоровлению и оздоровлению государственных финансов.

Политические противники нынешнего правительства, конечно, используют ситуацию с непопулярными реформами, чтобы получить дополнительные дивиденды. Электорат вообще не понимает, зачем эти реформы затеяны. Недавние выборы в Европарламент и в местные органы власти показали, что Шрёдер не имеет никакой популярности. Последний опрос показывает, что социал-демократы получили бы в июне 2004 г. максимум 21-22% голосов на выборах, тогда как блок ХДС-ХСС — не менее 45-47%. Самое интересное, что по последнему опросу

Института по изучению общественного мнения в Аленсбахе (данные опубликованы 16 июня 2004 г.) 73% избирателей полагает, что правительство Шрёдера увеличило социальную несправедливость по сравнению с правоцентристским правительством Коля. При Коле социальной справедливости было больше. Это существенный сигнал, свидетельствующий, что довести реформы до конца Шрёдеру будет очень тяжело, хотя его лозунг — «так держать, ни шагу назад, отступать некуда». Ясно, что Шрёдер смирился с поражением на следующих выборах. Видимо, он думает, что проиграет следующие выборы — зато войдет в историю как канцлер-реформатор.

Поэтому, мне кажется, что перед Шрёдером сейчас стоит тяжелейшая задача: не идти на чрезмерные компромиссы, провести реформы, но одновременно провести их так, чтобы социальная рыночная система в основе своей сохранилась, точнее, чтобы сформировалась новая модель социального рыночного хозяйства, отвечающая европейским традициям, европейским ценностям, в то же время адекватная новым вызовам глобализации и универсализации. Если это произойдет, в результате начнет постепенно укрепляться и становление европейской социально-экономической модели. Большинство континентальных стран все-таки скрыто или явно ориентируются на германскую модель, и европейская социально-экономическая модель сможет возникнуть только в случае успеха реформирования социального рыночного хозяйства Германии. Иначе, национальные модели будут превалировать в ЕС за редким исключением — скажем, в области денежно-валютной политики.

Несколько слов о значении германских реформ для России. Для нас успех или неуспех реформ Шрёдера — очень важный вопрос. Нужно сказать, что вообще-то у нас распространена точка зрения, будто задачи, стоящие перед нашей страной, совершенно другие. Уровни развития Германии и России разные, поэтому, мол, мы должны ориентироваться не на современную социально-экономическую модель Германии, а на реформы Эрхарда. Вот 1948 г. — это-де как раз то, что нужно для России. Это соответствует нашему уровню развития, поэтому нужно вернуться к исходной модели (кстати, в Германии тоже иногда говорят, что нужно вернуться к исходной концепции социального рыночного хозяйства Эрхарда). Мне это напоминает лозунги конца 80-х: вернуться к «подлинному Ленину» — и тогда у нас будет хороший социализм. Но увы, ни социализма хорошего у нас не будет, если мы вернем-

ся к Ленину, ни социального рыночного хозяйства в начале XXI в., если возьмем на вооружение «подлинного Эрхарда». Идеи Эрхарда действительно могут дать некий ориентир, какую-то теоретическую основу, но совершенно ясно, что даже самая хорошая модель, созданная в середине XX в., не может быть пригодна для XXI. И дело не только в глобализации и демографии, но и в том, что в изначально прекрасной модели социального рыночного хозяйства сейчас ее достоинства превращаются в недостатки.

И последнее, о чем я хотел бы сказать. Один из основных элементов данной модели – социальное перераспределение, и именно он (особенно это очевидно, если рассматривать принцип солидарности поколений в пенсионном страховании) дает сбой, становится неработоспособным. Здесь очень важная задача не допустить возникновения новой бедности, деградации общества, не допустить возникновения действительно бедных, (чтобы не сбылись слова Лафонтена и сторонники социал-демократов не лежали бы, голодные, на улицах), но привести в соответствие принципы социальной справедливости с реальными возможностями и вызовами XXI в. Удастся ли это Шрёдеру? Удастся ему создать новое социальное рыночное хозяйство? Было бы прекрасно, если да, но скорее всего, это будут делать его последователи. Даже если ХДС-ХСС выиграет следующие выборы, им придется продолжить эти реформы, может быть, под другими этикетками, другими лозунгами, но в принципе в том же направлении. Самая большая опасность сейчас – кажущийся легким путь адаптации национальной германской или европейской модели к особенностям американской (или англо-саксонской) модели, или заимствование последней. Если это случится, то реформы не дадут положительного результата, и Германия, а может, и ЕЭС будут обречены плестись в хвосте развитых стран. Катастрофы, конечно, не произойдет, но будет, как говорят немцы, «Schlusslicht Deutschland» («Schlusslicht» — дословно с нем.: лампочка на вагоне в конце состава — *ред.*).

С. П. Капица

Ваше выступление о современном состоянии Германии было очень интересным. Я думаю, каждый из нас отметил здесь параллель с происходящим в нашей стране. Вы справедливо обратили внимание на демографический фактор — старение населения в Германии, на увеличение числа мигрантов. Это интересные, очень сложные и что самое существенное, быстро развивающиеся процессы.

У меня вопрос: растут ли в Германии военные расходы и в каком приблизительно объеме?

В.П. Гутник

Военные расходы растут, но очень незначительно. Если я не ошибаюсь, в федеральном бюджете они занимают порядка 10% или менее 1,5% от ВВП. Сейчас все чаще говорят, что это очень мало и что германский контингент в Афганистане показал, что уровень подготовки, вооружение и оснащение военных не соответствует современным требованиям, в том числе и для борьбы с терроризмом.

В.А. Зернов

Если можно, хотя бы коротко о перспективах развития образования. Германия гордится тем, что в стране бесплатное образование очень высокого уровня. Как будут обстоять дела дальше?

В.П. Гутник

В Германии сейчас существует два направления реформирования образовательной сферы. Во-первых, реформирование профессионального обучения и, во-вторых, реформирование школьного и высшего образования. Если взять профессиональное обучение, то это задача №1 — более важная даже, чем реформирование, может быть, высшего образования. Школьное образование — тоже очень важная проблема, поскольку высокая безработица среди молодежи связана прежде всего с тем, что люди вовремя не получают нужных навыков нужной квалификации.

Германия славится тем, что профессиональное обучение там ведется не в ПТУ, а преимущественно на предприятиях малого бизнеса. 60% молодежи получает рабочие профессии на мельчайших ремесленных предприятиях. Поэтому правительство Шрёдера приняло решение стимулировать ремесленные предприятия, принимающие учеников и занимающиеся их профессиональной подготовкой. В этом году действует также система стимулирования молодых людей, которые идут на малые и ремесленные предприятия, чтобы освоить профессию.

Что касается школьной реформы в Германии, то на её осуществление повлияло ощущение стыда, когда оказалось, что по результатам знаменитого исследования PISA, проведенного ОЭСР, Германия оказалась на очень низком месте по подготовке школьников, — ниже среднего уров-

ня по ЕЭС, а по математике даже ниже, чем в США, что особенно опечалило немцев. Поэтому сейчас разрабатываются обязательные национальные стандарты для школ (поскольку в школах была полная анархия и каждый сам устанавливал, какие теоремы надо учить, а какие — нет), введена специальная программа обучения. Существует также специальная программа подготовки учителей. Для этого выделяются большие средства. Создается специальный совет, призванный осуществлять постоянный мониторинг школьного обучения.

Что касается вузов, — здесь ситуация более сложная. Вузы, германские университеты теряют свою привлекательность из-за недостатка финансирования. Когда в германском университете слышишь разговоры преподавателей, создается такое впечатление, что у них примерно то же самое, что и у нас: не хватает денег, профессорам платят мало, нагрузка очень большая, жить так дальше нельзя и т.д. И действительно, когда профессор читает лекции для 300–400 человек, а проводит семинарские занятия с 80–100 студентами, то трудно говорить о хорошем качестве обучения, даже если это выдающийся профессор.

Что предполагается сделать? Во-первых, в Германии только сейчас собираются вводить бакалавриат и магистратуру. Бакалавриат трехгодичный, сокращенный — и немцы (профессура) сильно этому сопротивляются, но, по-видимому, вопрос уже решен. Во-вторых, — расширение платы за обучение. Пока еще речь не идет о том, чтобы вообще отказаться от бесплатного высшего образования, но, я думаю, постепенно это будет сделано. Сокращаются также возможности для поступления в университет. Если раньше поступить в германский университет мог практически любой желающий, то сейчас ужесточаются требования, например, к иностранным студентам. Раньше было достаточно сдать английский язык и учиться, скажем, в Кильском университете. Теперь же все должны сдавать экзамены по немецкому языку, требования к которому резко возрастают.

По-видимому, система высшего образования в Германии будет претерпевать еще более глубокие изменения и, скорее всего, двигаться в сторону американской модели.

К.Д. Лубенченко

С точки зрения системной задачи устранения экономических границ, которую поставил перед собой Евросоюз, возникает возможность большого прироста экономики за счет центрально-восточных европейс-

Ж клуб

Нижинский

Фото Л. Панкратовой

К.Д. Лубенченко

ких стран. Следовательно, не только для Германии, но и для Франции, может быть и для Италии, это создает возможность перемещения производства на территории других стран.

Можно ли говорить о деградации экономики Германии, когда экономика страны интернационализируется, то есть происходит несовпадение национально-экономической территории Германии с экономической территорией её капитала?

В.П. Гутник

Новый председатель партии СДПГ на упомянутом уже Саарском съезде сказал: «Национального капитализма больше не существует. Поэтому мы должны принимать новые решения и переосмыслить старые». Но проблема заключается в другом. Если капитал перемещается за грани-

цу, значит ли это, что производство там остается немецким? Можно ли говорить, что «Сименс», который собирает стиральные машины в Черногловке, остается в этой части элементом немецкого хозяйства? Или «Даймлер», собирающий автомобили в Чикаго или Детройте, – это элемент немецкого хозяйства в США?

«Сименс», работающий в Черногловке, платит налоги в России, здесь рабочие места в большей степени заняты нашими людьми, хотя есть и немцы, работающие инженерами и менеджерами. Они работают по законам страны пребывания и т. д. Проблема в том, что на территории Германии создаются такие условия, что со временем людям будет жить не лучше, а может быть, даже хуже — вот в чем проблема. Значит, они вместе с капиталом тоже должны куда-то перемещаться. Поэтому происходит Standortwettbewerb — старое географическое понятие, все чаще используемое в экономике: конкуренция территорий. Теперь уже происходит конкуренция не только между экономиками, но и между территориями как местами размещения производства и приложения капитала. А выбирать есть из чего, и делать это не так уж трудно — это тоже имеет очень большое значение. Возьмем, скажем, тот же «Сименс» — он ведь большую часть производства перемещает в Китай, а не в Чехию или Польшу. Это только сейчас в эти страны чуть больше стало перемещаться производство.

В.В. Ивантер

Я понял, есть проблема, заключающаяся в том, что некоторые социальные стандарты в Германии требуют больше денег, чем на то расходуется, и происходит приведение этих стандартов в соответствие с объемом наличных денег. Явление довольно естественное и болезненное — и это можно называть реформами. Но скажите о другом: Вы отметили неконкурентоспособность германской экономики — я не понял, как и почему эти реформы обеспечат конкурентоспособность?

В.П. Гутник

Действительно об этом надо было сказать отдельно. Дело в том, что сейчас основной элемент, определяющий конкурентоспособность массовых промышленных товаров, — это даже не расходы на сырье и материалы, которые везде примерно одинаковы, не амортизация, если она не особенно ускоренная, а расходы на фактор «труд». В Германии прямая заработная плата не выше, чем в некоторых других развитых стра-

нах. В США часовая заработная плата в промышленности даже выше, чем в Германии. Но существуют так называемые дополнительные побочные расходы, связанные с использованием труда, а именно налог на заработную плату, социальные взносы. И эти социальные взносы, дополнительные расходы на фактор «труд» сейчас составляют почти такую же величину, как и расходы на прямую заработную плату.

Для примера: в США (Детройт, штат Мичиган) из \$100, которые тратятся на фактор «труд», 38,3% приходится на побочные расходы: 19% – налоги, примерно 15% – социальные отчисления, 5,5% – налог на добавленную стоимость. В Германии же (точнее, в Западной Германии) 65,6% из совокупных затрат на труд — это налоги, социальные отчисления плюс налог с оборота. Получается так: чтобы сохранить нынешний уровень зарплаты и социального обеспечения, приходится увеличивать себестоимость продукции, включая в нее ту самую долю, приходящуюся на оплату фактора «труд».

Некоторые страны в Европе решили эту проблему достаточно просто — перевели систему оплаты социальных расходов в бюджет (просто, не социальный) и финансируют все за счет налогов, прежде всего за счет косвенных налогов. Например, в Дании социальные отчисления в совокупной стоимости оплаты труда составляют всего 7,2%. В Германии только социальные отчисления составляют более 30%, поэтому труд становится слишком дорогим, продукция, произведенная на территории Германии, тоже слишком дорогой и поэтому не конкурентоспособной.

В.В. Ивантер

Не понял. Налоги же не из воздуха берутся. Если мы вводим другую систему расчета — технологическую, — то источник остаётся прежний, налоги увеличиваются, и отсюда падает рентабельность. Если с помощью такой технологии можно было бы повышать конкурентоспособность, тогда это слишком просто: принимаем два закона — и увеличилась конкурентоспособность. Мне кажется, здесь что-то не так. Вы что-то не договариваете. Может быть, речь идет о реальной неконкурентоспособности — если это так, я не знаю? Или о том, чтобы люди меньше получали и больше работали, если они на это согласны — это я понимаю. Но вы уверяете, что они будут работать так же, получать с небольшими изменениями то же, а конкурентоспособность станет выше. С чего бы это — никак не могу понять?

Ж клуб

Никитский

Фото Л. Панкратовой

В.В. Ивантер

В.П. Гутник

Во-первых, здесь вообще речь не идет о налогах и тем более о налогах на прибыль. Имеются в виду только те налоги, которые предприниматель включает в себестоимость, — прежде всего налог на заработную плату, что заметно повышает себестоимость. Но здесь важно еще и другое. Проблема заключается в том, что после сокращения обязательных социальных программ, на которые расходуется значительная часть ресурсов, не стимулирующих ни высокую производительность, ни эффективность, люди будут получать не меньше, а может быть, и больше. Например, оплата больничных листов, на которые предприятия тратят огромные деньги: люди стараются поболеть как можно дольше, потому что предприятия это оплачивают.

Поэтому, конечно, конкурентоспособность не повысится только благодаря сокращению издержек на фактор «труд». Конечно, необходимы инновации, для чего необходимы инвестиции, а капитал уходит и не желает в таких условиях работать.

В.В. Ивангер

Если я правильно понял, речь идет все-таки о злоупотреблении социальными благами?

С.П. Капица

Можно я вмешаюсь в дискуссию? Мне кажется, что речь идет о работе в странах с разным уровнем социальной защиты. Если условия более или менее одинаковые, как в Дании и в Германии, то получается и более или менее одинаковая картина с некоторой местной детализацией. А экспорт капитала происходит в основном в страны, где очень слабая социальная защита или её вообще нет — в первую очередь в восточноевропейские страны, если исходить из европейских реалий. Я так понимаю эту проблему.

Есть ли ещё вопросы к Владимиру Петровичу?

Н.М. Римашевская

У меня вопрос, связанный с бедностью, — Вы несколько раз упомянули это слово, что показалось странным. Почему? Потому что все, о чем Вы говорили, свидетельствует об очень сильной, широкой системе перераспределения. А Вы между тем сказали, что увеличивается социальная несправедливость. Здесь одно противоречит другому — это, с одной стороны. А с другой стороны, хотелось бы понять, что такое бедность в Германии? Если там бедные, то какие это бедные? Их бедность и наша бедность — что, так одинаково и живем?

В.П. Гутник

Отвечу очень коротко, поскольку на эту тему можно долго дискутировать. Во-первых, я не сказал, что в Германии увеличивается социальная несправедливость. Я говорил, что электорат (73% населения, которое живет прекрасно, покупает раз в три года новые автомобили) полагает, что социальная несправедливость увеличивается. Недавно в разговоре очень известный немецкий профессор, хороший знаток России гово-

рит мне: «Страшное дело, в Германии растет социальная несправедливость». Я удивляюсь: «Тебе-то что жаловаться?» Но вот такой он видит ситуацию, и голосует против социал-демократов.

Во-вторых, бедность на самом деле может увеличиться, если не удастся преодолеть безработицу, а помощь безработным сократится в соответствии с этой реформой. Тогда через год-полтора безработные действительно могут перейти в категорию бедных и, я бы сказал, вытесненных из общественной жизни людей. Сейчас в Германии небольшое количество бедных, но они есть. Прежде всего это нелегальные мигранты, как правило, из стран Юго-Восточной Европы – восточной части Балкан и одной из «прибалканских» бывших советских республик. Но какая там ситуация? Социальную помощь можно получать, если нет других источников доходов. Если же у тебя сын владеет тремя заводами, а ты живешь бедно, — ты никогда не получишь социальной помощи. В соответствующей службе тебе скажут: «Мы вам поможем, организуем судебный процесс и отсудим необходимые средства у вашего сына, если, разумеется, вы согласны». Судиться или идти «бомжевать» — это уже твоя личная проблема.

Есть также небольшое количество бедных «по убеждению»: например, бывшие хиппи, которые, побираясь, принципиально ничего не возьмут

у государства. Правда, это настолько небольшой маргинальный слой, что можно считать, что в Германии действительно нет бедности, но опасения, что она возникнет, имеют основания.

С.П. Капица

По существу, это как сигнал кризиса системы, которую Шрёдер пытается укрепить.

Перейдем к выступлению содокладчиков. Я бы попросил выступить Владимира Борисовича Белова, руководителя Центра германских исследований Института Европы РАН.

В.Б. Белов

Мы сегодня говорим о 56-летней модели рыночного хозяйства, которая формируется в Германии, начиная с 1948 г., в условиях так называемой политики хозяйственного порядка (отмечу: Владимир Петрович Гутник — ведущий специалист в России по теории политики хозяйственного порядка). В самой общей форме — с институциональной точки зрения — ее можно понимать как формирование оптимальных рамочных условий хозяйствования для конкретных экономических субъектов. Эта модель, естественно, учитывает социальные факторы. В ее рамках труд и капитал договариваются о приемлемых правилах игры, а государство старается обеспечить максимально благоприятные условия для реализации конкурентных преимуществ, которые имеет каждый предприниматель. Государство понимает, что только когда предприниматели могут реализовывать свою предпринимательскую инициативу и успешно заниматься своей предпринимательской деятельностью, они могут наполнять бюджет соответствующими налогами и, соответственно, создавать базу для реализации социальных программ. Но здесь важна золотая середина.

Что получилось к началу XXI в.? Немецкая модель рыночного хозяйства в существенной степени забюрократизировалась и перестала быть оптимальной с точки зрения возможностей реализации конкурентных преимуществ предпринимателей в Германии. Существенно сократилась финансовая база для социальных расходов. В принципе, в послевоенный период постоянно предпринимались попытки для совершенствования этой модели. Шрёдер — не первый, это, наверное, уже третья наиболее существенная попытка. Христианские демократы под руководством Г. Коля еще с начала 80-х предприняли ряд важных шагов

В.Б. Белов

Фото Л. Панкратовой

(кстати, налоговая реформа в Германии длится почти 20 лет! — так сказать, своеобразный долгострой). По сути, Герхард Шрёдер продолжает реформаторские начинания коалиции ХДС-ХСС и СвДП. При этом за время своего последнего правления (1982–1998 гг.) она могла бы сделать гораздо больше.

Важно, что существующая социальная модель признается всеми партиями. Владимир Петрович об этом не сказал, но подразумевает, что это отнюдь не только социал-демократическая модель. Это действительно немецкая модель и в немецком обществе достигнут консенсус относительно механизмов хозяйствования и необходимых рамочных условий для их реализации. В принципе, у Шрёдера и возглавляемой им правительственной коалиции не было альтернативы. Им досталось то, что нельзя было оставлять в прежнем виде. На мой взгляд, христианские демократы упустили выгодную возможность усовершенствовать модель в рамках объединения Германии. Мой коллега Леонид Цедилин, думаю, скажет об этом более подробно. И вот сейчас делается очередная попытка провести необходимые реформы, в первую очередь де-бюрократизировать экономику и освободить предпринимательскую инициативу.

Владимир Петрович не упомянул, что в Германии любое предприятие с 5, 10 или 10 тыс. человек вынуждено выполнять около двух-трех тысяч соответствующих требований, норм и предписаний. Это касается бухгалтерии, отчетностей и т. д. При этом малое предприятие нередко вынуждено нанимать отдельного сотрудника, который только и занимается тем, что пишет отчет за отчетом. Но если для крупных предприятий это относительно нормально и приемлемо (например, в рамках расчета затрат на такого сотрудника или сотрудников на единицу произведенной продукции), то для малого и среднего бизнеса дополнительные расходы нередко становятся неподъемным фактором. А в рамках европейской бюрократии немецкие предприятия вынуждены дополнительно выполнять еще 19 тыс. норм и требований, т.е. всего около 22 тыс.! При дебиюрократизации речь идет не только о снижении относительных издержек на единицу произведенной продукции за счет экономии на трудозатратах и побочных эффектах, но в целом об освобождении предпринимателей от мелочной опеки государства.

Немецкое государство в первую очередь стремится к дебиюрократизации рынка труда. Например, либерализуется механизм найма и увольнения, особенно для малых фирм. Ведется дискуссия о том, чтобы освободить предпринимателей от отчетности, чтобы им больше доверять, чтобы предприниматель мог заниматься тем делом, которым он должен заниматься, — производить что-либо, оказывать услуги и т. д. Владимир Петрович не упомянул еще о том, что в рамках данной реформы появилась возможность создания так называемых «ich -AG», то есть «один человек – одно предприятие» (наверное, по-русски это ПБОЮЛ). Немцы также пытаются дебиюрократизировать как процедуру создания предприятий (путем реализации принципа «одного окна»), так и процесс ликвидации предприятия.

Вопрос — останется ли модель социальной? Мне кажется, что ее социальная составляющая не исчезнет. Объясню почему. Государство в Германии не допускает уровня бедности своих граждан в нашем понимании, когда инвалиды, люди, не способные работать, действительно «выброшенные за борт», не получают никаких пособий. Это в рамках проводимой реформы неприкосновенно. Государство более жестко поставило вопрос о необходимости работать для экономически активного населения, которое с его точки зрения должно более гибко подходить к поиску рабочего места и жить не за счет различных пособий, а именно на заработанные деньги. Что сейчас зачастую происхо-

дит? Инженер, оказавшийся без работы, ищет только работу по своему узкому профилю. Он не может переступить через себя, чтобы заняться какой-то другой работой, даже в смежной сфере. Сейчас государство ему говорит: «Если не нашел работы по прямой специальности, — ищи другую работу. Я плачу пособие только 12 месяцев. После этого, пожалуйста, зарабатывай. Работы достаточно». В ФРГ, как и во многих других странах, существует структурная безработица. Есть большой спрос на рабочую силу во многих сферах. В этом плане, я считаю, реформы правильные. Они заставляют зарабатывать деньги, а не постоянно получать пособия, имея реальную возможность найти конкретную работу.

Я думаю, модернизация существующей модели хозяйствования будет происходить дальше. Модернизация, к сожалению, с трудом пробиваясь через бюрократические процедуры структур исполнительной власти, которых в Германии очень много. Сейчас идет реформа государственного аппарата. Кстати, здесь даже можно провести какое-то сравнение с нами, правда, при одном маленьком замечании: немецкий бюрократ (чиновник) более эффективен, нежели российский госслужащий. Он действительно ориентирован на выполнение предписаний, которые обязан выполнять, и не рассчитывает на какие-то дополнительные доходы. Хотя взятки, к сожалению, в Германии также «имеют место быть» (например, в сфере строительства, железных дорог, почты, где есть система конкурсных заказов).

Думаю, что у немцев есть шансы вновь оценить и возродить то, что обеспечило успех модели социального рыночного хозяйства, — предпринимательскую инициативу и известное немецкое упорство. Сейчас многие немецкие граждане почивают на лаврах заработанного их отцами и матерями в 50-е, 60-е, 70-е годы. Немецкое общество надо как следует встряхнуть. Должна быть предпринята попытка заставить людей обратиться к истокам богатства — умению работать, умению зарабатывать и наиболее полно реализовывать себя.

С.П. Капица

Спасибо за замечания, которые, по-моему, еще раз подчеркивают общность процессов, происходящих в Германии и в нашей стране. Может быть, честный немец и в теневой экономике платит налоги — не знаю, как у них это происходит. Помните, как в старом анекдоте: должен ли честный коммунист платить членские взносы с суммы взяток?

В.Б. Белов

Очень коротко. Немецкие предприниматели нередко размещают свои капиталы за границей, спасая их от налогообложения, например, в Люксембурге. Кстати, немецкое государство жестко отслеживает эти процессы. В настоящее время ведется активная дискуссия об амнистии таких капиталов. И как у нас, предлагается амнистия «беглых» капиталов, в том числе путем их реинвестирования в немецкую экономику.

С.П. Капица

У них все-таки источник теневой экономики — пришлый люд, нелегальные эмигранты. Это есть, и вам известно о сложности адаптационных процессов.

Сейчас я прошу выступить Леонида Ивановича Цедилина, исполнительного директора и ответственного секретаря российско-германского журнала «Политэконом».

Л.И. Цедлин

Я хотел бы в связи с сегодняшней повесткой дня затронуть тему объединения Германии и развития новых федеральных земель.

Дело в том, что трудности экономики ФРГ серьезно обострились как раз после того, как произошло объединение. Владимир Петрович в своем выступлении отметил, что низкие темпы роста в Германии наблюдаются с 1992 г. Объединение, как известно, произошло в конце 1990 г., и многие германские эксперты считают, что нынешняя рецессия ФРГ на 2/3 объясняется чрезмерными затратами на поддержание восточных регионов. В общей сложности за время, прошедшее с момента воссоединения Германии, на новые федеральные земли было потрачено 1,250 трлн. евро. Эти трансферты пришлись на территорию 108 тыс. квадратных километров с населением около 17 млн. человек. Каков же результат? На выходе мы имеем, что этот регион по-прежнему нуждается не в меньшей поддержке, чем до начала процесса объединения. Хотя там создана в значительной степени модернизированная промышленность, целый ряд предприятий отдельных отраслей процветает, туда перенесли часть своего производства некоторые западногерманские концерны. Однако по-прежнему Восточная Германия остается депрессивным регионом.

Но что же все-таки произошло? Виновато ли наследие бывшей ГДР в том, что сейчас так плохо идут дела, или дело в этой самой системе уже модифицированного социального рыночного хозяйства, кото-

рая, прежде всего, на территории ГДР дала сбой? Я думаю, причины и в том, и в другом. Не произошло сложения потенциалов, чего, кстати говоря, многие опасались, полагая, что при объединении самого мощного в Западной Европе потенциала ФРГ и самого мощного в социалистической системе (после СССР) потенциала ГДР в Европе возникнет такая супердержава с 80 млн. населения. Сложения не произошло, произошло отторжение потенциалов. Ни одного из прежних комбинатов ГДР на территории бывшей ГДР не сохранилось. Они практически все были расформированы, и на этой территории произошла в известном смысле деиндустриализация.

Шоковая терапия по-германски тоже имела место, но совсем не в тех масштабах, как в других трансформирующихся экономиях. ГДР одновременно «получила» систему социального рыночного хозяйства ФРГ. Это для многих было, конечно, шоком, но это не означало ни обнищания населения, ни разгула дикого капитализма — ничего того, что сопровождало смену хозяйственных порядков во всех других постсоциалистических странах. Более того, была поставлена совершенно разумная конечная цель: в период трансформации добиться преимущества за счет модернизации. Там проводилась весьма последовательная политика стимулирования, прежде всего, технологически продвинутых предприятий. Однако это была политика не поощрения конкуренции, а поощрения развития отдельных секторов. Так что в настоящее время 9/10 от общего числа этих «инновативных» предприятий по-прежнему зависят от субсидий, т.е. они самостоятельно выжить не могут.

За прошедший период с момента объединения население Восточной Германии сократилось примерно на 3 млн., и сейчас там проживает около 14 млн. человек. В среднем в год население сокращается на 1,6% за счет оттока молодежи на запад. Владимир Петрович говорил, что безработица в восточных землях в два раза выше, чем в западных.

Что интересно, в Восточной Германии примерно такой же в процентном отношении ко всему населению «протестный» электорат, что и у нас. За Партию Демократического Социализма, являющуюся, правда, с определенными оговорками наследницей СЕПГ, на территории Восточной Германии голосует не меньший процент избирателей, чем у нас за КПРФ. Причем половину всех своих голосов ПДС получает в Восточном Берлине. Это при том, что туда перевели правительство, что там пролился золотой дождь субсидий и госинвестиций в связи с приданием Берлину статуса столицы объединенной Германии. В Восточной

Л.И. Цедлин

Германии, как и во многих других постсоциалистических странах, популярны и крайне правые партии националистического толка.

Бывшая ГДР еще больше проигрывает в конкурентоспособности в соревновании со своими бывшими партнерами по СЭВ. К цифрам, которые привел Владимир Петрович, я могу добавить данные о различии в уровне оплаты труда с восточными соседями Германии. В настоящее время средняя почасовая зарплата на территории бывшей ГДР в 4–5 раз превосходит среднюю почасовую заработную плату в странах Центральной и Восточной Европы, вступивших недавно в ЕЭС. При том, что уровень квалификации восточногерманских работников вряд ли в разы выше, чем у бывших партнеров по СЭВ.

Я специально хотел бы заострить нашу дискуссию и предложить некоторые выводы применительно к российской проблематике.

Представляется, что опыт бывшей ГДР позволяет поставить под сомнение некоторые сложившиеся у нас, в том числе и в академической науке, стереотипы.

Стереотип первый. Считается, что проблемы переходного периода прежде всего обусловлены и объясняются жесткостью либеральных реформ. Но не было либеральных реформ на территории бывшей ГДР, а ошибок было сделано не меньше. И уж тем более не работает другой стереотип — во всем виноваты «чикагские мальчики». Вообще, чикагская школа никакого отношения к трансформациям в бывшей ГДР не имеет. Хорошо, Восточная Германия — это исключительный случай. Но такого рода младореформаторов не было в большинстве других стран на нашем постсоветском пространстве, а проблемы и трудности те же самые, что и у нас.

Следующий стереотип. Говорят об особости нашей российской нации, заключающейся в том, что ей чужд либерализм, что ей присущи соборность, коллективизм. Но на территории бывшей ГДР старшее поколение отличается от «западников»: по своему менталитету оно ближе к россиянам, прожившим при социализме, чем к западным немцам. Отсюда, — если уж говорить об особости нации, то об особости социалистической нации. Я считаю, что Л.И. Брежнев в свое время был прав, когда сказал, что за время социализма сформировалась новая историческая общность — советский народ.

И третье, что хотелось бы отметить. На мой взгляд, не правомерно и не корректно сопоставление экономических потенциалов до и после трансформации. Я имею в виду то, о чем недавно было заявлено у нас с высокой трибуны — самой высокой, а именно, что мы в экономике сейчас достигли половины дореформенного уровня. В Германии никому не приходят в голову такие сопоставления. На территории бывшей ГДР сейчас не производится и половина того, что производилось до 1990 г. Но это не значит, что там соответственно ухудшилась экономическая ситуация, потому что это совершенно разные потенциалы — потенциал, выросший из конкурентной ситуации, и потенциал, созданный волюнтаризмом чиновников. Вы все помните, что по производству обуви и хлопчатобумажной ткани на душу населения мы превосходили США за счет солдатских и офицерских ботинок, гимнастеров и портянок.

И, наконец, последнее. К чему, собственно говоря, склоняются сейчас эксперты ФРГ при решении проблем новых федеральных земель? Оказывается, что чудодейственных рецептов оздоровления этой тер-

ритории нет. Более того, по-моему, там смирились с тем, что этот регион останется застойным на долгие годы. Но ясно, чего делать не следует. Не следует идти по пути дальнейших преференций, по пути усиления протекционизма. Ведь, по сути дела, в Восточной Германии проводилась протекционистская политика — зонтик для территории бывшей ГДР, который не очень-то помог от непогоды. В связи с этим не годится создание специальной налоговой зоны для новых федеральных земель, потому что здесь проявятся те же проблемы, с которыми столкнулись и мы, — создание подставных фирм и т.д. Это уже проходили и там, и в других странах. Особых рецептов нет, но на чем все сходятся — это на том, что перемены возможны только в связи с переменами во всей Германии. Если получатся, удастся реформы на территории всей Германии, — тогда вполне возможны перемены к лучшему и в восточногерманском регионе.

С.П. Капица

Вы дали дополнительный штрих к процессам, происходящим в Германии. Кстати, то, о чем Вы сказали, очень интересно для нас с точки зрения слияния с Белоруссией или с другими странами. В этом случае мы столкнемся с тем, что Вы показали на примере двух половин Германии: грубо говоря, «возьмите на себя ответственность за наших бедных родственников». Это напоминает старый анекдот, как в магазине встретились два немца — восточный и западный. Западный немец купил себе шляпу и увидев, что восточный тоже очень хочет шляпу, купил и ему шляпу. Продавщица спрашивает: «Почему вы покупаете ему шляпу?» Западный немец отвечает: «Мы оба внуки Карла Маркса, только мне достался «Капитал», а ему — «Манифест». По-видимому, сейчас работает такая схема.

Слово Руслану Семеновичу Гринбергу, директору Института международных экономических и политических исследований РАН.

Р.С. Гринберг

Разумеется, я не могу оспаривать цифры, которые привел В. П. Гутник. Действительно, все так. Страна находится в состоянии перманентных реформ с начала 70-х. Но я не совсем согласен с оценкой большинства российских германистов истинной ситуации в ФРГ и абсолютно не согласен с параллелями, которые они проводят с сегодняшней Россией.

Начну с того, что назову реальные проблемы Германии, решение которых очень трудно найти. В отличие от В. Гутника, причислившего к

Р.С. Гринберг

ним утрату конкурентных преимуществ, безработицу, старение населения и отток капитала, я, кроме старения населения и низкой рождаемости, особых проблем не вижу. Из 200 стран мира минимум 160 мечтали бы иметь проблемы теперешней ФРГ. Но и ей сделаны вызовы – это старение населения и низкая рождаемость, и то, что С. П. Капица обозначил как миграцию с Юга, ведущую к перемешиванию населения с абсолютно неясными последствиями для стабильности германского социума. Здесь острота проблемы определяется неизвестностью ее решения.

Далее, давайте упростим сегодняшний спор о конкурентоспособности. Например, вы, будучи немцем, проживая в открытом глобальном мире, производите табуретки. Но поскольку вы зарабатываете раз в 50 больше, чем, например, тайландский табуреточник, у вас нет никаких шансов его победить: ваши табуретки изначально дороги, какими бы хорошими они ни были. Конечно, это проблема для производителя, но ФРГ знаменита не табуретками — в этом суть. Ее преимущество — в производстве очень качественных изделий с высокой степенью переработки. И проблема страны заключается не в том, чтобы, образно говоря, противостоять тайландским табуреточникам, а в том, чтобы

успешно конкурировать с теми относительно бедными странами, которые очень быстро осваивают выпуск высокотехнологичной продукции и предлагают ее рынку. За счет дешевой рабочей силы цена этой продукции ниже — именно это и составляет угрозу для германской экономики.

Впрочем, не только для германской. С аналогичной проблемой сталкиваются многие развитые страны (Франция, Италия и др.), и как бороться с этим, — неизвестно. Потому что в условиях глобализации, которую эти же страны официально «любят», декларируя знаменитые четыре свободы передвижения (товаров, услуг, людей и денег), шансов на выживание у них, в общем-то, нет. Юго-Восточная Азия должна победить. Пока не видно возможностей для Европы улучшить инновационную деятельность, чтобы производить какие-то нужные товары, которые не делает, например Южная Корея. Значит, можно ожидать радикальных изменений, скажем, реставрации протекционизма в развитом мире. Последствия его мне не очень понятны... Ведь он только отсрочит агонию западного производителя, в том числе германского. Вот это действительно серьезная проблема. А что волноваться о 10%-ной безработице, да еще при прекрасно отлаженном механизме ее социальной амортизации?

Другое дело — высшее образование. В ФРГ государство оплачивает его на 93%. Там всего лишь два или три частных университета. Между тем в России государственное финансирование высшей школы снизилось за годы реформ со 100% до 48%. При этом правительство считает, что надо и дальше продолжать в том же духе. В ФРГ же речь не идет о том, чтобы ликвидировать социальное государство, хотя бы потому, что его никто не позволит ликвидировать. Подчеркну: никто! Потому что это цивилизованная страна с ярко выраженными интересами работодателей, работников, политиков, партий, клубами — и все имеют право реализовывать свои интересы, в том числе оспаривая другие.

Взять хотя бы два сюжета, по поводу которых в ФРГ состоялись недавно серьезные дискуссии. Первый из них — спор о том, сколько безработный должен отдыхать на Канарских островах — две недели или десять дней? Одни считают, что иждивенцу многовато отдыхать две недели, достаточно и 10 дней, чтобы иметь курортный вид. Другие с ними не соглашаются, в первую очередь сами отдыхающие. Точно также следует ожидать серьезных возражений со стороны инженеров, которым, по словам господина Белова, грозит перспектива стать мусорщиками. Да,

все понимают, что рыночное хозяйство – не плановое, где можно все распределить, в том числе кто и где будет работать. Надо иметь в виду и возможность переучивания. Тем не менее, в цивилизованном обществе, систематически заботящемся о воспроизводстве высоко образованных специалистов, не принято вынуждать заниматься простыми видами труда при высвобождении от прежней работы.

Насчет субсидий. Конечно, в Германии пытаются их уменьшить. Но для угольщиков они и так снижаются, потому что уголь очень дорогой. Процесс тянется примерно с середины 60-х. В газетах постоянно пишут, что это безобразие, но государство продолжает субсидировать угольщиков, поскольку хочет, чтобы все его граждане жили по-человечески.

Напомню, что книга Л. Эрхарда называлась «Благосостояние для всех». Хочу подчеркнуть: «для всех». Поэтому не правы наши либерал-реформаторы, когда говорят, что их сейчас не любят, а потом полюбят, как это было с Людвигом Эрхардом, которого якобы также долго не любили. На самом деле во время правления министра, а потом и канцлера Эрхарда жизнь всех немцев, именно всех, улучшалась каждый месяц. Правда, она улучшалась практически с нуля, когда каждой семье в буквальном смысле прибавлялось по кусочку хлеба и масла, а затем и вовсе стало развиваться знаменитое немецкое «хозяйственное чудо». Совсем другая история с отечественными реформаторами, сознательно допустившими приватизацию «закромов Родины» и ввергнувшими тем самым большинство народа в бедность и нищету.

Несколько слов о конкуренции юрисдикций. Когда В. П. Гутник говорил о тяжелой налоговой ситуации в ФРГ как о проблеме, я вспомнил, что В. Путин, выступая в германском бундестаге, с гордостью упомянул о введении в России плоской шкалы налогов. И тогда лидер одной из партий (свободных либералов) встал и пальцем указал Шрёдеру: вот учись, что надо делать! Многие на Западе считают, что наша страна на правильном пути, что у В. Путина появился шанс провести либеральные реформы, и они их поддерживают.

Однако между риторикой и реальной действительностью очень большая разница. То, что на Западе воспринимается как достижение (в данном случае, плоская шкала налогообложения), у нас оценивается как социально несправедливое решение в пользу богатых, подоходный налог которых сократился с 34 до 13%, в то время как у остального населения – увеличился с 12 до 13%.

Спор вокруг второго сюжета касался медицинского обслуживания и здравоохранения в целом. В связи с некоторым оскудением в Германии больничных касс стали обсуждать возможность оплаты медицинских услуг за счет личных средств. При этом страсти закипели вокруг препарата «виагра». Два дня депутаты спорили, должны ли его оплачивать больничные кассы или все-таки сами трудящиеся.

Оба сюжета — отдых безработных на Канарах и приобретение «виагры» — свидетельствуют о социальной зрелости и уровне возможностей ФРГ как очень развитого государства. Оно может себе позволить заниматься именно такими проблемами, а не как когда-то распределением предметов первой необходимости среди населения. Германия добилась поразительных успехов за последние полвека, став демократическим государством, а в демократическом государстве, как известно, каждый день что-то случается и что-то оказывается в кризисе. Вплоть до того, что и политика не та, и правительство не то. Впрочем, это нормально для демократии.

Вот почему к действительным проблемам ФРГ я отношу демографическую, миграционную и проблему открытых границ, и еще, пожалуй, проблему глобализации. Последняя, по выражению одного американца, напоминает жизнь в одной большой деревне, просто дома в ней находятся в разных веках. Отсюда неизбежность каких-то столкновений в мире, и ФРГ не может быть в нем отдельным хутором.

Теперь о ГДР. В отличие от предыдущего выступающего я думаю, что ГДР — это самый корректный, чистый пример шоковой терапии и абсолютного зоологического либерализма. С одной только оговоркой. Дело в том, что 1 триллион долларов, который был переведен туда за последние десять лет, превратил граждан ГДР из производителей в чистых потребителей. Люди перестали ходить на работу, но намного больше потребляют. К сожалению, у нас на Родине провели примерно такую же реформу. Другое дело, что у нас нет богатой «Западной России». Расчеты на Америку не оправдались, хотя тоже были.

Нельзя винить социальное государство — в нашем случае ФРГ — в том, что оно, по сути, реализовало свои функции. Ведь если бы оно поступило, как советовал предыдущий выступающий, и не делало бы трансфертов в целях борьбы с «иждивенчеством», то столкнулось бы с чудовищной ситуацией. Представляете, единый народ — восточный и западный — стремился объединиться, достиг этого политически, и вдруг один из них после такого объединения должен зарабатывать или пот-

реблять раз в 20 меньше. В это трудно поверить. Поэтому то, что произошло, было абсолютно неизбежно.

И не стоит вместе с немецкими профессорами удивляться результатам опросов общественного мнения, когда 73% респондентов оценивает уровень социальной справедливости ниже, чем при ХДС. Люди прекрасно понимают: начались реформы, — значит, что-то отберут. Так и происходит, правда гомеопатическими дозами, и будет продолжаться дальше. Вообще, в ФРГ считается, что общество пересоциализировано. Может быть, так оно и есть.

Но к российской действительности, где уже запредельный уровень неравенства, где почти половина населения занята чистым выживанием, германский недуг не имеет ровным счетом никакого отношения.

С.П. Капица

Вы обратили внимание на крупные, я бы сказал, цивилизационные процессы, происходящие в этих странах. В частности, они выражаются в демографии: старение населения, смещение ценностей в обществе, когда в семьях нет детей. У нас при другом экономическом уровне развития это тоже происходит. Такие же серьезные процессы наблюдаются и в США — в этом смысле более молодой стране, не говоря о более молодом Востоке. Восток считают старым, но в демографическом плане восточные страны гораздо моложе нас, со смещением приблизительно на 50 лет — не за счет миграции, а за счет внутренних процессов.

Р.С. Гринберг

Позвольте одну реплику. Сегодня сравнивали США и ФРГ и говорили, что в Америке более гибкий рынок. В США более гибкий рынок, но гораздо менее социальное государство.

С.П. Капица

США гораздо менее социальное государство и там меньше традиций. Все-таки Германия в каком-то смысле родина социал-демократии.

В.М. Зубов

У меня вопросы к Руслану Семеновичу. Вопрос первый: «Сименс» что производит, табуретки? Почему он переводит производство? И второй вопрос: если даже такая отчаянная мера, как протекционизм, приводит

В.М. Зубов

всего лишь к агонии — в данном случае в Германии, — разве это не проблема? И если нельзя воздействовать на единственную, как Вы сказали, проблему старения населения, демографический процесс, то что тогда делать? Тогда вообще ничего нельзя сделать?

Р.С. Гринберг

Что делать, это, как говорится, не ко мне. Что касается «Сименса», то он действительно переводит свое производство в другие страны с низкой зарплатой, хорошей выучкой — и так будет продолжаться. Пока эта проблема еще не очень существенна, но в перспективе может стать таковой. Это как некоторые раскаты грома, и ни о какой агонии пока речи нет. Просто проблему трудно решить в долгосрочном плане с учетом современной ситуации и обожествления глобального мира. Дело в том, что этот мир ведь не только увеличивает разницу между богатыми и бедными, но и ставит под сомнение некоторые социальные стандарты развитой части цивилизации. Остальные же занимаются социальным демпингом. В нем заинтересованы работодатели. Поэтому кругом двойные стандарты. Где выход? Я пока ничего не вижу, кроме временно-го протекционизма.

С.П. Капица

Это уже, по-видимому, крайняя стадия. Я не знаю, конечно, что будет дальше, но мне кажется, цивилизационные различия позволяют все-таки понять, что происходит.

К.Д. Лубенченко

Мы говорим о Германии и забываем, что она интегрирована в Евросоюз, что это общие проблемы Евросоюза. Возможен ли протекционизм для Германии и для чего? Для населения в рамках политических границ Германии или для капитала Германии, продвигающегося в новые страны — члены Евросоюза, где он получает лучшие условия для своего развития? Как это согласовать, например, с точки зрения германского патриотизма?

Принята Конституция Евросоюза — колоссальное событие. Что из этого вытекает? Создан базис для единой налоговой системы всего Евросоюза. Значит, социальные условия для развития капитала в рамках Евросоюза будут нивелироваться. Сейчас говорят о свободном перемещении рабочей силы по территории Евросоюза, о единой системе социального страхования, о единых условиях банковской деятельности. Мне подскажет заместитель председателя Комитета по кредитным организациям Государственной Думы (В.М. Зубов — *ред.*), что они уже созданы. Создана единая система финансовой отчетности, единые нормы учета рабочей силы на территории всех стран Евросоюза, нормы бюджетного дефицита, нормы инфляции.

С.П. Капица

Константин Дмитриевич, я Вас перебыю. Мы видим на примере Восточной Германии, как медленно происходят эти процессы в рамках одного государства, а в рамках Европы, несмотря на все хорошие слова, сказанные в Конституции, эти процессы будут происходить еще медленнее.

Реплика из зала

В Европе нет границ.

С.П. Капица

Это неважно, границы между Восточной и Западной Германией тоже не было. Вы думаете, записали в Конституции — и все сразу станет на

свои места? 50 лет пройдет, а может быть, и больше, прежде чем Европа станет однородной, согласно написанной Конституции. Так что, не стоит обольщаться.

Р.С. Гринберг

Мне ближе Ваше мнение, Сергей Петрович. Есть, как известно, еврооптимисты и евроскептики, евронытики. Многие считают, что сейчас в Европе назревает разрыв, что ее золотой век кончился. Я так не думаю, у нее очень большие резервы. Правда, не стоит забывать, что Европейский Союз — уже само по себе коллективное обособление от остального мира. Тем самым в некотором смысле демпфируются проблемы, о которых идет речь. Другое дело, что в рамках ВТО все стремятся к тому, чтобы уменьшить барьеры. Но я думаю, что они, скорее, будут увеличиваться, потому что сильны императивы коллективного обособления. К тому же это, как раз, представляет собой решение и для Германии, и для Европы.

Что касается германского патриотизма, то, слава богу, ФРГ встроена в Европу, хотя есть первые признаки появления нового поколения, у которого нет чувства вины, и весь мир, затаив дыхание, ждет, как это поколение будет себя вести. Вот почему очень важно, что страна интегрирована в Европу.

С.П. Капица

Сейчас я прошу выступить Андрея Владимировича Загорского, заместителя главы Московского представительства Фонда Аденауэра.

А.В. Загорский

Сегодня уже столько было сказано, что речь может идти не о содокладе, а о дискуссии. Коротко остановлюсь на нескольких вопросах.

Первое. Я думаю, что нельзя, конечно, говорить просто о Германии, вырывая ее из контекста Европейского Союза — это было справедливое замечание. С другой стороны, не стоит вдаваться и в другую крайность. Не следует исходить из того, что степень унификации в Европейском Союзе настолько велика, что разница между странами практически стирается. Есть общая фискальная политика на базе евро, но каждое государство проводит собственную экономическую, собственную социальную политику в пределах своих границ. Эта политика часто серьезно отличается и потому, естественно, что существенно отличаются друг

Ж клуб

Никитский

Фото Л. Панкратовой

А.В. Загорский

от друга национальные решения в законодательстве и национальные экономические стратегии. Поэтому и страны Европейского Союза остаются разными, а пространство ЕС не унифицировано.

Второе. Я не думаю, что мы можем свести все проблемы сугубо к демографии. Если бы речь шла только о структуре и старении населения, проблема была бы слишком легко решаемая. Хочу напомнить, что недавно вышло очень тревожное исследование МВФ, касающееся не только Германии, но и всей еврозоны. Суть исследования состоит в том, что если в ближайшее время страны еврозоны не гомеопатическими дозами, как говорил Руслан Семенович, а в сжатые сроки не изменят свою структурную политику, они будут обречены на отставание. Они переместятся во второй, третий эшелон и т. д. Это понимают в Германии и социал-демократы, и христианские демократы. Спор между ними идет

сегодня не о том, что нужно делать, а о нюансах позиции по конкретным вопросам. Проблема в том, что Шрёдер даже не из-за своей принадлежности к социал-демократии, а в силу ограниченности пространства для маневра не может сделать радикальные шаги вперед. Если же брать политическую стратегию ХДС, исходящего из задачи победы на выборах в 2006 г., то речь идет о короткой шоковой реформе, которая должна принести положительные плоды уже через 1,5–2 года. Иначе партию ждет проигрыш на следующих выборах. Так что, проблема не просто в демографии — это очень глубокая структурная проблема.

Коротко вернусь к разговору о социальном рыночном хозяйстве, соглашаясь с Владимиром Петровичем, что полностью копировать эту концепцию нельзя. Откуда берется вообще идея социального рыночного хозяйства? Она берется из трех базовых ценностей христианских демократов. Первая ценность пока — индивидуальность. Вторая — субсидиарность. Все, что человек, община могут сделать сами, они должны сделать сами. В том, с чем они сами справиться не могут, им нужно помочь. Поэтому третий принцип — солидарность.

Социальная рыночная доктрина вытекала именно из принципа солидарности, необходимости оказания поддержки и помощи в решении проблем там, где возможности отдельных индивидов или общин, отдельных территориальных единиц недостаточны. Как всякая разумная идея, доведенная до логического завершения, она превращается часто в свою противоположность. Я хочу согласиться с теми, кто говорит, что масштабы, которые социальное государство обрело сегодня, — в частности, в Германии, хотя и не только там, — стали тормозом развития, тормозом повышения конкурентоспособности.

У нас получился весьма интересный спор. Проблема действительно возникает не только и не столько потому, что социальное государство ложится тяжелым бременем на производство, но и потому, что в процессе глобализации изменились рамочные условия. Разговоры о перенесении производства в другие страны ведутся не из-за вопроса о том, насколько Германия конкурентоспособна внутри Германии. Они возникают не в контексте вопроса о том, насколько Германия конкурентоспособна по продаже товаров.

Недавно мы проводили конференцию по условиям развития бизнеса. Представитель германского объединения работодателей химической промышленности привел очень интересный факт: в химической промышленности Германии средняя заработная плата в час составляет

около 40 евро. Из них 20 евро получают рабочие, а остальные 20 – то, что накручивается сверху в виде социальных выплат. Иными словами, предприниматели переплачивают 100% от фонда заработной платы. Тем не менее, немецкая продукция в этой области остается конкурентоспособной, но в силу единственной причины: она инновативна.

Поэтому следует различать различные аспекты проблемы – социальную нагрузку и конкурентоспособность, достигаемую благодаря инновативности производства. Товар может быть конкурентоспособным, но его не выгодно производить в данной стране. И в этом смысле Германия, как и многие другие старые страны, во многом утратила свою привлекательность для капитала. Сам бизнес конкурентоспособен, продукт тоже конкурентоспособен на мировых рынках, но страна не конкурентоспособна как место приложения капитала, как место производства. Это — одна из главных проблем, порождающих в том числе определенные социальные проблемы.

Здесь уже шла речь об объединении Германии и о цене вопроса. Я думаю, это не имеет прямого отношения к теме социального государства, хотя, наверное, как и расширение Европейского Союза, имеет косвенное отношение к вопросу о цене социального государства. Важно другое. Есть простой показатель: валовой внутренний продукт на душу населения, который определяет объем общественного блага, производимого в том или ином обществе и государстве. Объединение Германии привело к тому, что ВВП на душу населения в объединенной Германии стал меньше, чем был в Западной Германии. Это совершенно естественно и логично. Поэтому проблема не в том, что 1,250 трлн евро выброшено на ветер, а в том, что развития в новых землях как не было, так и нет. Шока там никакого не было, поэтому не было и развития, хотя мы можем долго об этом спорить. В то же время эти 1,250 трлн евро изымаются из западногерманской экономики, что уже начинает разрушать субстанцию западногерманской экономики. Это другая проблема. Это не проблема социального государства. Здесь возникает иной вопрос: если у вас понижается ВВП на душу населения, можете ли вы позволить себе сохранить прежний уровень социального государства и обеспечить его на более обширной территории?

Если сделать такой же подсчет в масштабах расширяющегося Европейского Союза, то получится аналогичная картина. Я сейчас не помню — на 7 или 8% в ЕС произойдет снижение показателя ВВП на душу населения в результате расширения. Происходит это, в основном,

за счет Польши и некоторых других стран. Значит, теперь вы себе уже не можете позволить что-то из того, что позволяли раньше. Вам приходится платить за что-то другое. А Германия относится к странам, которые оплачивают эти расходы, в том числе по расширению Евросоюза. Это добавляет нагрузку и ослабляет возможность поддерживать прежний уровень социального государства внутри страны. Поэтому вопрос не в том, нужно или не нужно социальное государство, а в том, сколько вы можете себе позволить социального государства, не доводя до абсурда здоровую в своей основе идею солидарности, которая была заложена в концепции Эрхарда.

И последнее. Трудно добавить что-либо к сказанному Владимиром Петровичем о «Повестке дня». Скажу только еще об одном — о том, что важно и близко нам, хотя и смотрится в наших условиях по-другому. В «Повестку дня» Германии включен вопрос, который еще не имеет решения из-за споров между социал-демократами и христианскими демократами, но от того не менее важный. Одна из ключевых тем «Повестки дня» — реформа миграционной политики Германии. И не просто потому, что сокращается население — спор идет о другом. О превращении Германии в конкурентоспособную страну с привлечением специалистов высшей квалификации, повышая интеллектуальный ресурс страны.

С.П. Капица

Сказанное Вами об инновационном процессе — важное добавление к нашей дискуссии. Если говорить о стратегическом будущем Европы, оно в целом связано с инновацией — забудем, как говорится, о табуретках. Я считаю, сейчас многие структурные изменения в Англии, в таких странах, как Франция, Германия, в первую очередь направлены на обеспечение инновационного потенциала. К сожалению, мы не думаем об инновации как стратегической задаче. По-видимому, это связано с сырьевым наркотиком.

Р.С. Гринберг

Андрей Владимирович, Вы сказали, что деньги на поддержку ГДР были зря потрачены. Это звучит как критика. Я бы хотел знать альтернативу — что можно было сделать? Что было плохо и что в той ситуации можно было сделать иначе?

Л.И. Цедилин

Можно я отвечу? Решение вопроса об объединении лежало в сфере политики, то есть экономика, конечно, была принесена в жертву политической не то что целесообразности, а даже необходимости. Но дело в том, что Коль, когда происходило объединение, обещал, что на месте Восточной Германии будет цветущий ландшафт.

Р.С. Гринберг

Ну и что? Борис Николаевич тоже обещал — причем здесь это? Тогда подождите до осени. Борис Николаевич не дал денег, а Коль мог дать — в этом разница.

Л.И. Цедилин

Речь идет о другом — о том, что на почву бывшей ГДР были привнесены социальные институты, которые, не будучи выработанными на территории ГДР, вроде бы стали их институтами.

Р.С. Гринберг

Это понятно, а что плохого-то сделали? Почему плохо, что дали больше 1 триллион евро?

Л.И. Цедилин

Альтернатива ускоренному объединению, может быть, состояла в создании конфедерации — об этом говорили. Но сейчас нечего переигрывать историю — это бесполезное занятие, но факт остается фактом.

Р.С. Гринберг

Вы же говорите, что бесполезно деньги потратили. А как полезно?

Л.И. Цедилин

Половина этих денег ушла на социальную поддержку, на социальные нужды, на пенсии.

Р.С. Гринберг

И правильно сделали, с моей точки зрения. Что плохого-то?

Л.И. Цедилин

Сейчас пенсию в ГДР подняли до уровня пенсионеров ФРГ, но те-то свою пенсию заработали, правда?

Р.С. Гринберг

А восточным немцам зря её подняли? Так и скажите: «Восточным немцам зря подняли пенсию, они ее не заслуживают!».

Л.И. Цедилин

Я скажу, что в таком размере они ее не заработали.

С.П. Капица

Не спорьте, это чисто политический вопрос. По-моему, такие дискуссии беспредметны, потому что факт свершился. Другой вопрос, что теперь будут делать с Восточной Европой, но это их забота. Единственное, что можно сказать, — у нас тоже могут возникнуть такие заботы, поэтому давайте извлекать политические и экономические уроки из сложных перестроек. По существу, вся история мира заключается в такого рода перестройках.

В.М. Зубов

Я как раз хотел сказать, что хотя факта и не отменить, но предмет обсуждения интересен, потому что пока все это происходит за пределами нашей страны, у нас есть возможность следить за происходящим. Перед нами тоже может возникнуть такая проблема, например, при объединении с Белоруссией.

Когда мы в Госдуме обсуждаем Закон о референдуме, у всех начинается в голове вертеться вопрос, а что это мы так спешим с референдумом? И когда в повестку дня будет внесен вопрос, объединяться или нет, боюсь, у нас тоже начнут превалировать политические аргументы. Мне лично эта дискуссия интересна как раз попыткой ухватиться за живые факты, которые можно использовать при обсуждении социально-экономических последствий подобной ситуации.

Р.С. Гринберг

Одну минуту! Белоруссия выше России по индексу человеческого развития, поэтому Белоруссия будет финансировать Россию.

В.М. Зубов

Я не знаю, что такое «индекс человеческого развития». Я знаю, что такое «ВВП на душу населения», что такое «дотации из бюджета», — это я очень хорошо знаю.

Р.С. Гринберг

Индекс человеческого развития — достаточно объективный показатель.

С.П. Капица

Тогда мы Россию присоединим к Белоруссии, а не наоборот. Пожалуйста, Андрей Владимирович, краткое замечание.

А.В. Загорский

Я тоже не большой сторонник объединения с Белоруссией, хотя хочу разочаровать: с точки зрения экономики ситуация уже давно просчитана, и в случае объединения с Белоруссией изменений в ВВП на душу населения в России практически не произойдет. В этом смысле поразительно отличается Украина: если просчитать последствия объединения с Украиной, то падение ВВП на душу населения в России составит 7-8%. Экономически вопрос объединения с Белоруссией решаем. Может быть, даже объединение дешевле, чем поддержание нынешнего характера отношений с Лукашенко, что не снимает политических проблем объединения, нестыковки пространств и пр.

С.П. Капица

Следующий выступающий — Алексей Борисович Чумичев, первый заместитель председателя правления Карельского форума.

А.Б. Чумичев

Начну с того, что Германия и Россия находятся в разных системах координат, и мне кажется, когда мы говорим о социальном рыночном хозяйстве, то делаем в своих оценках крен в соответствии с нашей культурной матрицей.

Задаваясь вопросом, чем вызван кризис модели социального рыночного хозяйства, напомним, как создавалась концепция, положенная в её основу, — ордолиберализм Фрайбургской школы. Здесь уместно по достоинству вспомнить имена таких людей, как В. Ойкен, Ф. Беме,

В. Репке, А. Мюллер-Армак, собственно и создавших эту теорию или концепцию.

Задача основателей этой теории состояла в поиске третьего пути развития между капитализмом и принудительной экономикой или, по нашей терминологии, командно-административной системой, или сильно картелизированной во времена Гитлера. Для того чтобы общество было гуманным, говорили отцы этой концепции, в проекте нашего конкретного немецкого общества должны господствовать четыре базисных ценности: свобода, справедливость, благосостояние, безопасность. Чтобы эти четыре базисные ценности реально присутствовали в обществе, должны реализовываться — и их четко определили — несколько фундаментальных экономических целей. Сначала их было четыре, и называлось это магическим четырехугольником, а потом стало семь. Конечно, такая концепция пустила настолько глубокие корни, что говорить о ее кризисе пока не имеет смысла. В национальном переложении эта концепция дала многие блестящие результаты во многих странах Европы.

В базисных ценностях концепции говорится о справедливости. Но есть две формы справедливости, одну из которых исповедует ХДС-ХСС,

другую — социал-демократы. Социал-демократы исповедуют уравниловку, ХДС-ХСС считают, что с каждым нужно работать индивидуально. Когда в стране много денег — тенденция развивается в сторону концепции справедливости социал-демократов, если же денег становится меньше, падает производительность — в сторону ХДС.

Что на самом деле представляет собой программа реформ Шрёдера? При внимательном наблюдении событий в июле 2002 г. в Германии происходила активная работа с паролем «кризис собственного капитала среднего класса» (немцы не говорят «мидельклассе», они используют понятие «мидельштанде» — ядро общества, среднее состояние).

Социальность концепции социального рыночного хозяйства заключается в том, что население участвует в рыночном процессе, а не в том, что государство выделяет средства на социальные программы. Мы часто говорим о ВВП — только вопрос: у кого ВВП в руках и как он распределяется? Он может быть большим, а народ будет голодать и умирать.

Я думаю, что «Агенда—2010», предложенная Шрёдером, — это чисто политический шаг предвыборной борьбы и, кстати, ответ на вызовы, определившиеся уже в начале этого века. В Германии известен ряд имен авторитетных людей в финансово-промышленных кругах, среди общественных деятелей, которые борются за то, что, да, действительно нужно поднять роль «мидельштанде», по поводу чего у немцев почти до Конституции прописано, что несущая колонна — это стабильность и благосостояние. И совершенно справедливо замечание тех, кто говорит, конечно же, эту проблему надо рассматривать в контексте всего Евросоюза. Время изменилось. Нет понятия немецкого патриотизма или еще чего-то подобного. Евросоюз на самом деле реализует уникальную вещь. Если говорить вообще, то формулой развития цивилизации является многообразие единства (единство многообразия), и Евросоюз реализует именно эту идею.

У нас здесь тоже есть свое место. Но каждая конференция, каждое обсуждение, как правило, страдает дефектом работы вовнутрь, то есть происходит только обмен мнениями. А надо бы находить выход во вне, практически реализовать знания. Мне кажется, что в своих представлениях о Германии мы находимся в разных системах координат, мы очень далеки друг от друга. Труды Эрхарда стали доступны нашему широкому читателю фактически только два года назад. С другой стороны, прежде чем судить о Германии, мы должны в конце концов определиться: Россия в Евросоюзе, с Евросоюзом или рядом с Евросоюзом? Каждый

из ответов предполагает разные позиции, и с каждой из этих позиций совершенно по-разному мы смотрим на реформу в Германии и на то, что мы из этого можем извлечь.

Сквозь все мероприятия по линии взаимоотношений России и Германии, как правило, проходит одна тема: «Россия – время перемен», а дальше — разговоры, в чем найти взаимопонимание и какие преодолеть стереотипы. Здесь есть единственная, на мой взгляд, возможность: находить четкие, конкретные проекты и работать над ними. Да, германское общество структурировано общественными организациями, образующими плотное общественное тело. По сравнению с ним, у нашего общества — другая природа, и одно из возможных взаимодействий заключается в том, чтобы общественные организации Германии помогали у нас создавать такие структуры.

Когда на Западе говорит, что в России растет авторитаризм, — ей-богу, смешно. В Германии исполнительной и законодательной власти удобно общаться с населением через огромное количество поэтажных общественных организаций. А у нас сверху обращаются к массам и всех погоняют — со стороны это кажется авторитаризмом. Нужно искать пути, методы совместного включения в общественную деятельность.

У нас очень слабое представление о сути европейского процесса. Мимо нас прошли и до сих пор проходят все ступени этого процесса, как и многое другое, мы сильно отстаем. В известной мере мы живем, как в анклав, плохо представляя, что происходит за его пределами. Поверхностно, на уровне витрин — да, мы используем одинаковые слова с Европой, но смысл их наполнения разный. Поэтому России сейчас необходимо четко определиться со своим местом — с Евросоюзом, в Евросоюзе или рядом. Нас все время спрашивают: «Господа, вы же 20 лет идете путем перемен. Вы можете нам хотя бы шепнуть, к какой социально-экономической системе вы тяготеете?»

Что касается Карельского форума, то, пожалуйста, мы можем организовать любую конференцию, как, например, осенью 2003 г., когда выработалась формула с подачи, прежде всего, Джозефа Стиглица, и все стали рассматривать проблему в основном через призму строительства гражданского общества.

С.П. Капица

Мы подходим к концу нашего заседания. Сейчас я хотел бы дать заключительное слово нашему докладчику — Владимиру Петровичу Гутнику.

В.П. Гутник

Это будет не заключительное слово, а заключительная реплика — реплика, которая мне кажется очень важной в контексте дискуссии.

Я очень благодарен всем выступившим с критическими замечаниями в мой адрес, потому что критика помогает отработать собственную аргументацию. Но одно небольшое замечание. Уже на протяжении 4 или 5 лет я регулярно пишу статьи о Германии для ежегодника «Год планеты». И также регулярно слышу упреки со стороны редколлегии в том, что я «очерняю германскую действительность и мрачно описываю социальное рыночное хозяйство». Мне говорят: «Как же так? Вы же сторонник германской модели, германского пути развития!» В этом году — две недели назад — было то же самое: «Какая катастрофа, какая агония? В Германии все хорошо».

Мне кажется, что нынешняя ситуация в Германии похожа на период косыгинских реформ. Вроде бы и надо реформы проводить, а будто бы и так все хорошо: нефть на подходе, еще не выкачали, только-только разведали Самотлорское месторождение. Зачем реформы-то нужны? Лет 20–25 точно еще жить можно. Если германское руководство будет так рассуждать, то, увы, страна к 2030–2040 гг. попадет даже не во второй эшелон. И в том, что в Германии начались реформы при отсутствии поддержки большинства населения (85%), — большая заслуга нынешнего кабинета. Еще несколько лет промедления — и получилось бы как у нас.

С.П. Капица

Разрешите мне подвести краткий итог нашей интересной дискуссии. Что бы я хотел добавить? Германия и Россия действительно похожи на соперничающих почти братьев — это не нами придумано. Что не сказано было и что мне кажется существенным? Я думаю, что и опыт Эрхарда, и опыт того же Бисмарка, и позиция руководителей Германии сегодня демонстрируют главное — ответственное политическое руководство. Здесь проявляется настоящая ответственность политиков, которые смотрят на судьбу страны дальше своего выборного срока. Мне кажется, нам этого не всегда хватает, и это, может быть, один из главных уроков, который можно вынести из сегодняшнего обсуждения. Тем более, что по масштабу России и по масштабу российских проблем у нас горизонт видения существенно больше, чем у Германии. Это, во-первых.

Во-вторых, несмотря на опыт фашизма, у Германии — грандиозный опыт правового общества. Одно из самых серьезных демократической

завоеваний Западной Германии – это гражданское общество, которое там удалось построить. Здесь нам надо еще многому у них поучиться.

Наконец, о развитии инновационного процесса. Наверное, это самое сложное для Европы — в этом для неё состоит главный предмет состоятельности с США. Как будет развиваться ситуация в Германии, сможет ли она действительно поднять свой инновационный потенциал? Я всегда вспоминаю замечания моего отца, который хорошо знал Германию до первой мировой войны и после. Он говорил, что инновационный потенциал Германии в значительной степени был обязан мощному союзу научной части еврейской германской интеллигенции и деловой. Это был мощный тандем, который дал впечатляющий результат во второй половине XIX в. перед Первой мировой войной и после. А потом эта связь была разорвана и до сих пор, по существу, не восстановлена. Немцы не смогли восстановить научный потенциал, которым они обладали в первой половине XIX в. Это еще один очень важный для нас урок германского опыта, потому что потенциал науки определяет в итоге потенциал инновационного развития страны в будущем.

В заключение напомним знаменитую реплику Бисмарка, который когда-то сказал, что войну с Францией выиграл немецкий учитель, имея в виду реформу образования. Реформу образования очень серьезно проводил не только Бисмарк, но и Франц Иосиф (1830–1916 — император Австрии; с 1867 г. — император Австро-Венгрии — *ред.*), имя которого, благодаря литературной классике, у большинства вызывает ассоциации с портретом, «засиженным мухами». Но время Франца Иосифа отмечено прекрасной политикой в области образования. Главный акцент этой политики был сделан на элитарном образовании, и в частности, одна из элитных гимназий того времени дала впоследствии плеяду нобелевских лауреатов. Кстати, инспектором образования при Франце Иосифе был отец великого аэродинамика Теодора фон Кармана (известный австрийский ученый в области ракетостроения и аэродинамики, работавший впоследствии в США — *ред.*) — представителя австро-венгерской интеллектуальной элиты, воспитанной в то самое время.

Мне хотелось сказать об этом, потому что считаю, для Европы в целом и для России проблема инноваций — один из самых важных вопросов.

Р.С. Гринберг

Сергей Петрович, поскольку Вы вспомнили своего отца, я бы хотел привести одно его высказывание в разговоре с Резерфордом. Как-то в

30-х годах Резерфорд спросил у Петра Леонидовича, почему у него так много умников в науке? И Ваш отец тогда сказал поразительную вещь: «Понимаешь, у нас запрещен бизнес, поэтому самые умные люди, желающие пробить пространство свободы, идут в науку». И если говорить о германском опыте, Вы очень точно сказали: они потеряли фундаментальную науку. Сегодня действительность такова, что наша страна стоит на той же грани.

С.П. Капица

К сожалению, в заключение могу только напомнить известный политический анекдот времен Николая I, который пришел на выпуск Московского университета. Ректор говорит ему: «Смотрите, какие выпускники у меня умные ребята!». На что Николай I ответил: «Мне нужны не умники, а послушники». К чему привела николаевская эпоха, вы знаете. На этом мы закончим наше заседание.

JK

Ж клуб

Национальный

Во время заседания

Фото Л. Панкратовой

Круглые столы Никитского клуба

2000

18.04.

«Восприятие современной России за рубежом»

27.06.

«Глобальные проблемы демографического перехода и Россия»

11.07.

«Всемирный день народонаселения и демографические проблемы России» (совместно с Департаментом правительственной информации).

17.10.

«Социально-экономическая политика и преодоление бедности в России» (совместно с Департаментом правительственной информации).

16. 11.

«Реальность и перспективы инновационной экономики в России»

2001

20.02.

«Эволюция российской государственности за 10 лет»

01.03.

«Конституционная экономика и статус Центрального банка»
(совместно с Союзом юристов России)

26.04.

«Судебная реформа в России: пределы и возможности»
(совместно с Союзом юристов России)

29.05.

Встреча с членами Римского клуба

07.08.

Концепция диалога цивилизаций ООН
(встреча с личным представителем Генерального Секретаря ООН господином Д. Пикко)

08.10.

«Воспитание, образование, обучение в гражданском обществе»

19.11.

«Гражданское общество и государство (механизм взаимодействия)»

24.12.

«Зарубежье глазами россиян». (обсуждение книги Фонда
«Общественное мнение»: «Америка: взгляд из России. До и после
11 сентября»)

2002

14.02.

«Макиавелли—России XXI века»
(совместно с Флорентийским обществом)

09.04.

«Ресурсы для экономического роста: от клише к парадоксам»
(по итогам Международной конференции по финансированию разви-
тия. Монтеррей (Мексика), 18–22 марта 2002 года)

27.05.

«Политика и технология зарубежной технической помощи России»

18.07.

«Россия в «Большой восьмерке»: путь к Кананаскису и далее»

30.09.

«Цивилизационная специфика России: каким аршином мерить?»

15.10.

«Опыт валютной интеграции (на примере ЕС) и единое
валютно-финансовое пространство СНГ». С участием директора
главной дирекции по экономике и финансам Европейской комиссии
Сотириоса Коллиаса

2003

04.02.

«Формула успеха. Как сделать российское экономическое чудо?»
Обсуждение доклада советника Президента РФ А.Н. Илларионова

27.02.

«Границы настоящего: «ещё» или «уже»?». Круглый стол, посвященный теме времени и юбилею С.П. Капицы (по старому стилю)

05.04.

«Современная миграционная ситуация в мире и России».
Выездное заседание Никитского клуба в г. Санкт-Петербурге

09.06.

«Трансформация международной валютной системы: тенденции и сдвиги»

18.06.

«ООН и меняющийся мир». Совместное заседание—круглый стол с Информцентром ООН с участием заместителя Генерального секретаря ООН Шаши Тарура

30.09.

«Экономика знаний: контекст российских проблем».
Обсуждение доклада академика В.Л. Макарова, директора Центрального экономико-математического института РАН

21.10.

«Власть—для развития страны».

21.11.

«Международные валютно-финансовые интересы — в чем они?».
Доклад заместителя министра финансов РФ С.И. Колотухина

2004

28.01.

«Какой парламент нужен России?»

31.03.

«Старые проблемы на новый лад: российское предпринимательство и общественные стереотипы».

19.05–21. 05.

«Глобализация и национальные интересы России».

Выездное заседание в г. Уфе